

Сага про Бомжа и Головастика

Вадим Проскурин

Мифриловый крест

«Автор»

2003

Проскурин В. Г.

Мифриловый крест / В. Г. Проскурин — «Автор», 2003 — (Сага про Бомжа и Головастика)

Простому российскому гражданину Сергею Иванову попадает в руки чудодейственный артефакт из иного мира, и теперь ему предстоит ответить на целую серию непростых вопросов. Можно ли расстрелять из гранатомета «нехилую» толпу волшебников? Может ли вампир быть добрым? Можно ли остановить конец света? И наконец, существует ли абсолютная истина или правда всегда в глазах смотрящего?

© Проскурин В. Г., 2003

© Автор, 2003

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Вадим Проскурин

Мифриловый крест

*Do you choose what
I choose – more alternatives
Energy derives from both the plus and negative.*

Metallica

Глава первая

ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР

1

Сознание возвращалось плавно, как это всегда бывает после шока. В первые секунды кажется, что ты спал и только что проснулся, а потом начинаешь понимать, что место, время и поза не слишком подходят для сна, а это может означать только одно – пробуждение после обморока.

На этот раз сознание вернулось довольно быстро, потому что я лежал на левом боку, скрючившись в позе эмбриона, а по мне активно ползал кто-то большой и жесткий. Он выругался на непонятном языке, и я вспомнил, кто это такой.

Еврейчик. Память услужливо подсказала имя: Ицхак. Именно Ицхак, а не Исаак, как он объяснил мне час назад, Исаак для него примерно то же самое, что для меня Серж. Вроде одно и то же, но – разное. И поэтому называть его надо именно Ицхак, а не Исаак и тем более не Изя.

Тогда я просто пожал плечами и ничего не сказал. Какое мне дело, как надо называть этого еврейчика, а как не надо. Мне наплевать на него, он просто клиент, обычный мелкий бизнесмен, каких в Подмосковье сотни тысяч, ему просто надо перевезти два десятка ящиков со склада в Туле на склад в Москве, точнее, в Южном Бутове. Мы знакомы с ним всего два часа, и еще через час он расплатится и мы расстанемся навсегда, а потому мне глубоко наплевать на все его комплексы, да и на него самого, честно говоря, тоже.

Я открыл глаза и все вспомнил. Нет, через час мы с ним точно не расстанемся. Потому что моя «газель» лежит на левом боку в кювете рядом с Симферопольским шоссе, а до этого она сделала три четверти оборота через крышу, и если на небе нет Бога, то ящики Ицхака разбросаны в радиусе пятидесяти метров вокруг. А если Бог есть и сегодня не слишком занят, то ящики остались в кузове, их содержимое не разбилось и дело ограничится отсутствием чаевых у шофера, то есть меня. Но если груз разбился, мне даже страшно представить себе, что скажет Гурген Владиленович, – в самом лучшем случае дело ограничится тем, что мне придется срочно искать другую работу, а это не так просто, как думают чиновники из собес.

Ицхак грязно выругался на своем иврите и, кряхтя, поднялся на ноги, стараясь не наступить на меня. В кабине, лежащей на боку, это трудно. Я сдавленно застонал. Ицхак снова выругался, и на меня посыпались осколки стекла. Я закрыл лицо, и вовремя, потому что дальше последовал настоящий стеклопад. Это еврейчик выдавил наружу остатки лобового стекла.

– Что ты делаешь, морда жидовская? – не выдержал я.

Я не антисемит, чеченская война давно выбила из меня глупые детские предрассудки. «Если в кране нет воды...» Ерунда все это. По сравнению с чучмеками жида стали как родные. Куда мы катимся?

Щегольской ботиночек сорокового размера, не больше, отделился от моего плеча и, описав изящную дугу, скрылся из поля зрения. Ицхак счел за лучшее проигнорировать мой наезд. А может, просто не расслышал.

Я попытался придать телу вертикальное положение, но преуспел лишь частично. При первом же движении в верхней половине тела обнаружилось примерно пять-шесть очагов боли – терпимой, но крайне неприятной. Привычным жестом я потянулся к нарукавному карману, и свежий ушиб на плече отозвался тупой болью. Я остановил движение, потому что осознал его бессмысленность. Во-первых, боль не настолько сильна, чтобы колоть промедол. А во-вторых, моя война уже закончилась. Пусть я и одет в камуфляжную куртку, в левом нарукавном кармане лежит не шприц-тюбик обезболивающего, а два запасных электрических предохранителя.

Я глубоко вдохнул и выдохнул. А потом еще раз вдохнул и выдохнул. Голова чуть-чуть закружилась, но я не обратил на это внимания. Ребра не сломаны вроде бы. Может, одно-два и повреждены, но это не считается. В полевых госпиталях подобное вообще не признавалось за ранение; одиночная трещина в ребре двигаться не мешает, значит, и интереса для военврачей не представляет.

Я осторожно пошевелил руками, затем плечами. Переломов нет, вывихов тоже. Ушибы есть, завтра тело будет похоже на один большой синяк. Я улыбнулся, левая щека отозвалась болью, и я понял, что лицу тоже досталось. Попытался заглянуть в зеркало, но увидел, что его больше нет. А вот и виновник происшествия.

Мы ехали в правом ряду, я держал чуть меньше сотни: «газель» была сильно загружена, и насиловать двигатель не хотелось. Тем более что хозяин груза ни разу не дал понять, что перевозка срочная. Интересно, что за железки лежат в этих ящиках? Это точно железки, ящики слишком тяжелые, чтобы быть наполненными чем-то другим. Если только не кирпичами, ха-ха.

Так вот, мы спокойно ехали в правом ряду, видимость была идеальная, температура чуть ниже нуля, как обычно в начале ноября. Впереди замаячила хорошо знакомая по прошлому рейсу полоса особенно дерьмового асфальта. Я отпустил газ и подумал: почему в Тульской области знак «неровная дорога» висит перед каждой колдобиной, а в Московской его вообще не встретишь? И это при том, что к северу от Оки дорога гораздо лучше, чем к югу.

А потом мое внимание привлекла небесно-голубая «шестерка», появившаяся в зеркале заднего вида и быстро приближавшаяся. Я представил себе, как она будет скакать на многочисленных поперечных складках асфальта, и невольно улыбнулся. Я успел обратить внимание, что «шестерка» недавно покрашена толстым неровным слоем садолиновой краски, а это может означать только одно: машина убита, совсем скоро ее будут продавать. Лоху. Потому что нормальный человек ни за какие деньги не купит подержанную машину, недавно покрашенную толстым слоем садолиновой краски.

«Шестерка» поравнялась с моей «газелью» и вырвалась вперед. Водитель должен был видеть, что впереди асфальт превращается в стиральную доску, но даже не замедлил скорость, и машина начала прыгать. А потом все происходило очень быстро и очень отчетливо, как в замедленной съемке.

Громкий стук. Маленькое тринадцатидюймовое колесо катит посередине правой полосы. Сноп искр из-под переднего правого крыла «шестерки». Почти не снижая скорости, машина разворачивается поперек дороги и бросается под мою «газель», как двадцать восемь героев-панфиловцев под фашистские танки. Я пытаюсь вывернуть руль вправо, понимаю, что это бессмысленно, но мозг не успевает остановить руки, живущие как будто своей собственной жизнью. Удар, совсем не страшный, я даже не касаюсь руля – напряженные до каменного состо-

яния мышцы рук амортизируют. Машину неотвратно тащит в кювет. Я выкручиваю руль влево. Сквозь оглушительный скрежет днища «шестерки» об асфальт пробивается новая нота. Я понимаю, что левой рулевой тяги больше нет. А еще нет тормозов, потому что педаль резко проваливается. А еще я понимаю, что вот-вот...

Колеса растопыряются в разные стороны, «газель» резко дергается из стороны в сторону, будто выбирает, с какого бока объехать препятствие. Скорость упала примерно до тридцати километров в час, и я решаюсь воткнуть первую передачу. Поздно. От резкого толчка двигатель глохнет, на мгновение «газель» зависает над кромкой кювета, а потом медленно и неотвратно рушится вниз. Я валюсь на еврейчика, мир переворачивается, и я вырубаясь.

Сейчас «шестерка» стоит поперек дороги, правый бок промят до центра салона, переднего колеса нет... заднего тоже уже нет. Хлам. Я выбиваю ногой остатки лобового стекла, и левое бедро простреливает острая боль. Ничего страшного, просто ушиб. Выбираюсь наружу.

Левый ряд шоссе свободен, и по нему одна за другой медленно ползут машины, боязливо огибая мертвую «шестерку». Никто не остановился. Хотя нет, по разделительной полосе бегут два мента в бронжилетах и с укороченными автоматами. С чего это вдруг такая экипировка? Наверное, какой-нибудь ОМОН ехал по своим делам, увидел аварию и решил помочь. Менты тоже люди, ничто человеческое им не чуждо.

Ицхак стоял в стороне и громко ругался на иврите в сотовый телефон. Длинные курчавые волосы, заколотые в конский хвост, смешно развевались на ветру. Маленькие кругленькие очки придавали Ицхаку вид обиженного ботаника. Экий огромный телефон – не иначе как в DAMS'e работает. Странно, утром у него был сименс, совершенно нормальный, даже чуть-чуть понтовый.

Из «шестерки» вылез седобородый дед лет примерно семидесяти. Он заметно трясся, и я ему посочувствовал. Сегодня батюшке надо нажать до свинского состояния, а завтра сходить в церковь и поблагодарить Бога за второе рождение.

Под ногой что-то зашуршало, я опустил глаза и увидел, что мои неприятности только-только начинаются. Потому что... В ящиках, которые я вез в Москву, были патроны от «Калашникова».

Менты еще ничего не видели, зато Ицхак их заметил. Он аж взвизгнул, выбросив в трубку новый поток еврейской ругани, и прекратил разговор. Трубка скрылась в недрах кожаной куртки-косухи, очки улетели далеко в сторону, я запоздало сообразил, что в них были вставлены простые плоские стекла: глаза Ицхака сквозь очки не казались ни большими, ни маленькими. Двигаясь быстро, но грациозно, Ицхак скрылся за перевернутым кузовом.

Менты приближались. Не отрывая от них очумевшего взгляда, я начал медленно отходить с будущей линии огня, стараясь не делать резких движений и держать руки на виду. Что-то большое и круглое подвернулось под ногу, я оступился и с трудом удержал равновесие. Граната Ф-1, она же лимонка. В походном положении, с пластмассовой пробкой вместо запала.

Один из ментов проследил мой взгляд, обратил наконец внимание на паническое выражение моего лица, зыркнул вокруг и увидел рассыпанные патроны. Он что-то крикнул своему напарнику и сбросил автомат с плеча. Из-за «газели» грянул выстрел, и между двумя глазами мента появился третий. Второй мент рухнул наземь, прогремела очередь, прорезавшая тент «газели» полосой аккуратных круглых отверстий.

Я машинально потянулся к нательному кресту, но лучше бы этого не делал. Потому что дуло автомата стало медленно перемещаться в мою сторону, и я понял, что не успею упасть. Из всех сил сжал крест и зажмурил глаза.

2

...Зачистка началась в полдень. Дело не обещало быть жарким, ежу было ясно, что боевики давно покинули аул, но лейтенант приказал не расслабляться, потому что он хочет командовать солдатами, а не трупами.

Нам с Конаном достался ничем не примечательный глинобитный домишко, который во времена Льва Толстого называли саклей, а сейчас даже не знаю – как.

Конан – это Леша Перепелкин из Брянска. Его прозвали Конаном, потому что на гражданке он развлекался в клубе исторического фехтования и всех задолбал рассказами о том, как они ставили для какого-то писателя судебный поединок на двуручных мечах. Он пытался продемонстрировать приемы фехтования, используя вместо меча разнообразные палки, но добился только того, что к нему прилипло новое прозвище. Зато к Лехе почти не приставали деды: никому не хотелось получить оглоблей сначала под дых, а потом по голове – без малейших шансов на ответ.

В домишке жила бабка. Русская бабка. На восьмом году войны в глухом горном ауле жила русская бабка. Как говорится в рекламе, «шок – это по-нашему».

– Бабушка, а вы правда русская? – спросил Конан глупо.

– Правда, – отозвалась бабка, – самая что ни на есть русская.

– Как же вы живы до сих пор? – удивился Конан.

– С Божьей помощью. – Слово «Божьей» бабка произнесла именно с большой буквы. – Истинная вера всем понятна, даже басурманам и нехристям самым погрязшим. Не бойтесь, внушки, они меня не тронут. – Бабка помолчала, будто прислушиваясь к чему-то, и добавила: – Зря вы сюда пришли. Те, кого ищете, на западном склоне высоты 532. Там, где на карте маленький овал, вытянутый слева направо. Их трое, у них два автомата и очень мало патронов... сорок девять, из них два подмоченных. Землянка под тремя соснами – эти сосны там одни такие, их ни с чем не перепутаешь. Они собираются переночевать, а утром вернуться сюда. Ночью они не будут выставлять караул, это глупые мальчишки, еще не верящие в смерть. А ты, – она уставилась на меня, – веришь в смерть? Я неопределенно пожал плечами.

– Возьми, – сказала она и протянула мне простой серебряный крестик. Я так и не понял, откуда она его вытащила, он как будто сам собой появился на ее морщинистой ладони.

– Держи, сынок, – сказала бабка, – и носи его, не снимая. Восьмого сентября он спасет твою жизнь.

Ночью мы взяли троих боевиков на западном склоне высоты 532. Совсем мальчишки, они не умели воевать, они даже не организовали охранение. У них было только два автомата на троих. Исход боя решило то, что в обоих автоматах заклинили патроны и эти, с позволения сказать, бойцы не смогли быстро устранить неисправность.

Восьмого сентября мы попали в засаду. Меня контузило в самом начале боя, и я провалялся в канаве до тех пор, пока бой не кончился. Тогда я остался в живых один из взвода. В медсанбате сказали, что контузия легкая и я могу быть в строю. До дембеля оставалось меньше двух недель, я хотел остаться на сверхсрочную, обо всем было договорено, но замкомполка отказался подписать контракт. Он не сказал ничего определенного, но я все понял по его глазам. Он считал, что восьмого сентября я струсил.

Так я неожиданно-негаданно очутился на гражданке. Почти месяц искал работу, в конце концов нашел место водителя и одновременно грузчика «газели» Гургена Владиленовича. Дерьмовая работа, но я был рад, что удалось найти хоть что-то. Радовался до сегодняшнего дня.

А больше нет работы, и скоро не будет жизни. Что это никто не стреляет? И тихо как-то... Я открыл глаза.

3

В лесу лежал снег. Он лег совсем недавно, еще не затрудняет передвижения, но он уже лежит.

Какой снег? Какой лес? Где дорога? Где менты? Где Ицхак, в конце концов? Я отпустил крестик, и он провалился в многослойные недра моего камуфляжа. И я увидел Ицхака.

Он настороженно озирался по сторонам, выставив перед собой пистолет, как американский полицейский в голливудском фильме. Это был АПС – автоматический пистолет Стечкина, серьезное оружие, отличное по стрелковым качествам и очень надежное, но крайне трудное для обучения. Только настоящие профессионалы предпочитают «стечкина» более распространенным ПМ и ТТ.

– Что случилось, Сергей? – спросил Ицхак.

В его голосе явно прорезался акцент, раньше почти незаметный. Очевидно, волнение. Я сообразил наконец, где я слышал акцент, подобный тому, который раньше считал еврейским. Отличная идея – замаскировать чеченца под еврея: русский вряд ли заметит подделку, кроме того, нормальному русскому человеку даже в голову не придет, что кто-то может прикидываться евреем.

А вокруг расстился лес. Обычный среднерусский лес, каким он бывает, когда осень сменяется зимой. Только дорога Москва-Крым куда-то исчезла вместе со всеми машинами. И поле справа от дороги превратилось в лес. А «газель» наша лежала на боку посреди поляны и казалась настолько же естественной деталью пейзажа, как белый медведь посреди джунглей.

– Что случилось, Сергей? – повторил вопрос Ицхак.

– Да ничего не случилось, Ицхак, – ответил я. – Или как там тебя зовут? Аслан? Шамиль? Ицхак подозрительно посмотрел мне в глаза и ответил:

– Усман. Я не вайнах, я араб.

– Араб? – удивился я. – Араб и маскируешься под еврея?

– Джихад списывает все грехи. Так все-таки в чем дело? Что произошло?

– Не знаю, – ответил я, стараясь говорить равнодушно.

– Ты лжешь! – Ицхак, то есть Усман, раздраженно дернул пистолетом. – Я чувствую, ты что-то знаешь. Говори! Я пожал плечами и начал говорить.

– Вот этот крест, – сказал я, – подарила мне одна старая женщина. Это было в Чечне меньше трех месяцев назад. Женщина была русская. Она жила там все это время в самой обычной хижине в самом обычном ауле.

– Это невозможно! – удивился Усман.

– Возможно. Ее не трогали. Она рассказала нам, где находятся те, кого мы искали, а потом рассказала, как будет протекать бой. А мне она дала этот крест и сказала, что он спасет мою жизнь. Она назвала день, когда это случится. Это случилось.

– Она назвала сегодняшний день?

– Нет, восьмое сентября. Тогда был бой, меня контузило, только поэтому я остался жив.

– Ты не похож на контуженного.

– Думаю, на самом деле не было контузии. Крест заставил меня потерять сознание и тем спас мою жизнь.

– Тебя не называли трусом после этого?

– В глаза – нет. Но отказали в контракте.

– Контрабасом хотел стать? – В глазах Усмана мелькнуло удивление. Казалось, он думает – сразу меня пристрелить или попозже?

– А кем еще? – Я развел руками. – Больше ведь ничего не умею, разве что «газелью» управлять. Это почти как БТР.

– Да уж. Значит, ты схватился за свой крест и все исчезло. Знаешь, где мы находимся?

– Нет. А ты?

– Рельеф местности не изменился. Время года, по-моему, тоже, но погода другая. И растительность совсем другая. Я бы предположил, что мы... Бред, конечно, но по-другому не объяснить. Боюсь, что мы в прошлом. – Последние слова он выговорил с трудом.

Я глупо хихикнул.

– А почему не в будущем?

– Нет ни дороги, ни поля. Если мы в будущем, то в очень далеком. Такие проплешины зарастают лесом очень не скоро.

– Да ну, ерунда какая-то! Машина времени – это фантастика.

– Амулет, спасающий жизнь, – тоже фантастика. – Усман немного помолчал, а затем неожиданно спросил: – Сергей, ты, наверное, хочешь меня пристрелить?

Я поколебался, но решил ответить правдиво. Потому что он сразу понял бы, что я лгу.

– Если бы ты встретился мне там, – сказал я, – я бы не стал брать тебя в плен.

– Я встретился тебе здесь. Здесь тебе не тут. – Усман коротко хохотнул. – Если я повернусь к тебе спиной, убьешь меня?

– Из чего? Я не вооружен.

– Чтобы убить человека, не обязательно иметь оружие. Так убьешь, если представится случай? Я пожал плечами.

– Прежде всего надо бы вернуться обратно. А там посмотрим.

– Хорошо. Только давай отойдем метров на пятьсот вон туда. – Усман махнул рукой в сторону, где несколько минут назад была дорога. – Не хочу материализоваться рядом сдохлым ментом.

– Аналогично, – сказал я, и мы пошли.

Я шел впереди, Усман следовал за мной метрах в пятнадцати. Он не держал меня на прицеле, но я прекрасно понимал, что у меня нет шансов ни одолеть его, ни убежать. Лес настолько густой, чтобы можно было затеряться среди стволов, а прыжки с криком «кийя!» удаются в подобных ситуациях только Джеки Чану.

Минут через пятнадцать, когда мы прошли заметно больше, чем полкилометра, Усман крикнул:

– Стой!

Я остановился.

– Давай, действуй, – сказал Усман.

– Что делать-то? – не понял я.

– Возьми свой амулет и попробуй сделать то же самое, что и раньше. Только наоборот.

Я запустил руку под камуфляж и вытащил крест. Почему-то мне сразу показалось, что ничего не получится. И я не ошибся. Как ни пытался настроиться на соответствующий лад и передать кресту часть своего желания, ничего не получалось.

Минут через десять Усман не выдержал.

– Достаточно, – сказал он. – Если бы ты мог сделать это, ты бы уже сделал.

Я отпустил крест. Почему-то почувствовал некоторое облегчение. С чего бы?

– Скажи мне, Сергей, – задумчиво произнес Усман, – у вас, русских, есть какая-нибудь клятва, которую нельзя преступить?

Я отрицательно помотал головой.

– Я так и думал, – сообщил Усман. – Если я оставлю тебя здесь, а сам уйду, ты не будешь охотиться за мной?

– Как? – не понял я. – С голыми руками охотиться в лесу за вооруженным человеком?

– В «газели» оружия хватит на целый взвод. – Он вздохнул. – Если бы я мог тебе поверить, предпочел бы не оставлять тебя. У двоих гораздо больше шансов выжить, чем у одного.

– Так что тебе мешает? Я не буду нападать на тебя до тех пор, пока мы не выберемся в нормальные места.

– Почему я должен тебе верить?

– А зачем мне обманывать?

Ответ на этот вопрос Усман обдумывал очень долго, наконец сказал:

– Поклянись своим крестом.

– Как это? – не понял я.

– Повторяй за мной. Клянусь крестом, что до тех пор, пока не выберусь отсюда, не причиню никакого зла моему попутчику Усману. А если я нарушу эту клятву, пусть крест, которым клянусь, испепелит мое тело и погубит мою душу.

С некоторым удивлением я повторил нелепые слова. Он что, верит, что дурацкая клятва меня остановит? Зря. Но он прав: пока мы не выберемся, я не буду на него нападать – не из-за клятвы, а просто потому, что это неразумно. Если мы действительно провалились в другое время, его помощь будет более чем кстати. По крайней мере на первых порах.

Другое время, блин! Неужели я сам начинаю верить в эту чушь?

4

В ящиках, валявшихся вокруг останков «газели», находился полный комплект вооружения мотострелкового взвода. Не знаю, с какого склада террористы утянули такую гору оружия, но в газетах о подобных кражах не писали еще ни разу. Куда катится страна?

Я нацепил на ремень фляжку, два подсумка и почувствовал то, что в умных книжках называется «дежа вю». Кажется, будто война никогда не уходила из моей жизни, будто я снова вернулся к делу, ставшему привычным за два последних года. Автомат, подствольник, патроны, гранаты, саперная лопатка... брать или не брать? Лучше взять, в случае чего можно будет выкинуть. Каска... нет, это перебор. Бронетюфяк – аналогично.

– С оптикой работал? – спросил Усман. Я поднял голову и увидел, что он экипировался по полной программе.

– Нет, – сказал я, – да и на хрена нам оптика?

– Пожалуй, ты прав, – задумчиво проговорил Усман, – автомат она не заменит, а два ствола тащить несподручно. Тюфяк ты все-таки возьми, пригодится. Если что, выкинешь. Ты кто, кстати, по званию?

– Старший сержант.

– А я лейтенант. Спецназа.

– Аль-Кайеды, что ли? – хмыкнул я и почти не удивился, когда Усман кивнул.

– А ты кто? – спросил он. – Махра или десант?

– Разведрота десанта.

– Круто. Но командовать парадом буду я. Возражения? Я молча пожал плечами. Какие тут могут быть возражения? Командовать должен тот, кто умеет. Я уже понял, что Усман командует лучше. Дело даже не в том, что он лейтенант, а я сержант, – дело в том, что он правильный лейтенант.

– Слей бензину в канистру, – сказал Усман, – пригодится костер разводить, если ночевать придется. – Он вздохнул и добавил: – Никак не могу лазерники найти, хоть убейся. Неужели выпали?

– Лазерные прицелы? – уточнил я. – А на кой хрен они нам?

– Когда-нибудь работал с ними?

– Нет.

– Тогда ты не поймешь. Ладно, хватит копать, пошли. Не хочу здесь ночевать.

5

Мы двинулись на запад. Усман объяснил, что старая Варшавская дорога проходит к западу от Симферопольского шоссе и что она должна быть на месте, даже если мы угодили в прошлое лет на пятьсот. Я пропустил это объяснение мимо ушей: по-моему, для нас любое направление одинаково хорошо. Запад так запад.

За весь день нам не встретился ни один человек, зато звериных следов попало на глаза видимо-невидимо. И это в ноябре, когда снег лежит еще не сплошняком и звери предпочитают обходить заснеженные участки. Да какие звери! Одних только медвежьих отпечатков встретилось штук пять. Интересно, когда в Подмосковье вымерли медведи?

Где же люди-то? Ни белых хвостов самолетного выхлопа в синем небе, ни рева автомагистралей, слышного за километр, ни гудков электричек, ни одной бумажки на земле, ни одного бычка и ни одной пустой бутылки. За весь день! Неужели Подмосковье когда-то было таким?

Ночевать пришлось в лесу. Хорошо, что земля не промерзла – землянку удалось отрыть без труда. То, что у нас получилось, нельзя назвать настоящей землянкой, и это неудивительно – ведь мы трудились над ней не больше часа. Так, одноразовое убежище, а оно не должно быть очень хорошим, главное – не околеть от ночного мороза. Жалко, что в ящиках не нашлось спальных мешков. Ничего, мне не впервой проводить ночь между жаром костра и пронизывающим холодом, когда главное – не забыть вовремя перевернуться другим боком к огню. При чем делать это надлежит так, чтобы не попасть в костер и не выкатиться за пределы обогреваемой территории. Слава богу, снега немного и талая вода не стремится превратить кострище в гигантскую лужу.

Я думал, что мы будем спать бок о бок, но Усман настоял на том, чтобы отдыхать по очереди. Я не стал возражать, тем более что Усман выделил себе более тяжелую утреннюю стражу. Ровно до двух часов ночи я таранился то на огонь, то в непроглядную тьму. В два я толкнул Усмана, он моментально проснулся, я рухнул на лежанку, еще хранившую его тепло, и погрузился в сон без сновидений.

6

Мы вышли к дороге около полудня. Она совсем не походила на привычную асфальтовую ленту, у нас такую называли бы даже не проселочной, а лесной. Две глубокие и ненормально узкие колеи, совсем недавно разъезженные до непролазного состояния, а теперь затвердевшие от первого мороза. Я не сразу понял, что необычного в этих колеях, а когда понял, мурашки пробежали по спине.

По этой дороге не ездили автомобили. Никогда. След автомобильного протектора не перепутаешь ни с чем – разве что со следом мотоцикла, но и им здесь не пахло. Здесь ездили гужевые повозки, притом в огромном количестве, ездили всадники (следов копыт слишком много по сравнению со следами колес) и ходили пешие путники, чаще обутое в лапти, чем в сапоги. Да-да, пешие путники, их отпечатков почти столько же, сколько лошадиных. Жутко представить себе, что человек по доброй воле может повторить наш вчерашний путь, да еще не в течение одного дня, а... сколько нужно, чтобы пешком дойти от Москвы до, скажем, Орла? Хотя нет, не все так страшно, вдоль дороги обязательно должны быть какие-то постоянные дворы – или как они там называются... трактиры, что ли?

Неужели мы действительно в прошлом?

Усман поднял палец вверх, и по вбитой за два года привычке я замер на месте. Справа доносился какой-то шум, кажется, песня. Усман проворно отступил в лес, и я последовал за ним. Залегли под защитой кустарника – прямо как разбойники, честное слово.

Мы и в самом деле больше всего похожи сейчас на разбойников, если только в этом веке встречаются таковые в камуфляже и бронежилетах. Я подполз поближе к Усману.

– Зачем? – тихо спросил я. – Ты что, хочешь напасть?

– Я хочу посмотреть, кто они, – так же тихо ответил Усман. – Дальше будем действовать по обстоятельствам. Без сигнала в драку не лезь.

– Думаешь, будет драка?

– Вряд ли. Они, конечно, начнут катить, но вряд ли в этом времени есть автоматы. Первая же очередь должна убедить их не дергаться.

– И что тогда?

– Тогда мы начнем задавать вопросы.

Песня приближалась. Это было что-то русское народное, но не походило на известное мне. Скоро стали различаться отдельные слова, и я не сразу понял, что песня наполовину состоит из мата. Усман тихо хихикнул. И вправду смешно – этакий «Сектор Газа» в фольклорной обработке.

Караван появился в поле зрения. Три повозки. Первая запряжена двумя лошадьми, остальные одноконные. Лошади мелкие и замороженные, люди в общем-то тоже. Трое: старый, но еще крепкий дедок, мужчина лет тридцати с густой неухоженной бородой неопределенного цвета и глазами дебила, белобрысый подросток лет четырнадцати. Все одеты в грязно-серые куртки, сразу и не поймешь – то ли кожаные, то ли тканые. Из памяти стали всплывать русские народные слова «зипун» и «армяк», короче, три бомжа на выезде. На первой телеге лежали какие-то мешки в количестве пяти-шести штук, остальные ехали порожняком. Куда это они, интересно, направляются? На рынок?

Когда от первой телеги до нашего укрытия осталось метров пять, Усман резко выкатился на дорогу. Я остался страховать его, вряд ли это потребуется, но вреда точно не будет.

Дед, продолжавший нести рифмованную похабщину, умолк на полуслове, его челюсть отпала, выставив на всеобщее обозрение гнилые зубы. Подросток дернулся к краю телеги, но Усман повел стволom в его сторону, и подросток остался на месте.

– Здравствуйте, люди добрые! – провозгласил Усман.

– И ты здравствуй, коли не шутишь, – ответил дед, напряженно вглядываясь в глаза нежданного встречного.

– Куда путь держите?

Дед помедлил пару секунд, после чего ответил:

– Местные мы. Из Михайловки. Туда путь и держим.

Усман махнул рукой в мою сторону, и я вылез из кустов. Глаза мальчонки тревожно расширились, он понял, что ему грозило, решился он на побег.

– Подвезете? – спросил Усман.

– А куда мы денемся? – отозвался дед. – Докуда вам?

– В аккурат до вашей Михайловки. Да ты не бойся, дед, мы не разбойники, это у нас только вид такой.

– Как же, не разбойники, – не поверил дед. – Без крестов, с пищалями, да с какими еще пищалями! Я таких вовек не видел.

– Почему же без крестов? – удивился я. – Вот, смотри, мы тоже крещеные.

Я вытащил нательный крест из-под камуфляжа, и это произвело на аборигенов совершенно неожиданное действие. Все трое моментально ссыпались в замерзшую грязь и встали на колени.

– Не губите, ваши священства, – заголосил дед. – Простите скудоумного, что не углядел вовремя и честь не оказал. Они не виноваты, – он махнул рукой на остальных, – лишь на мне едином вина, ибо сказано... – Он задумался. – Короче, на мне одном вина, а молодые сии безвинны. Младые си, – повторил он со вкусом.

– Погоди, дед, – не понял я, – ты что несешь? Как ты мог увидеть мой крест, если он под одеждой?

Дед состроил подчеркнуто идиотское выражение лица, и я понял, что все предыдущее было спектаклем, рассчитанным на... на что? Что мы с Усманом не будем гневаться, не получив положенных почестей? А с чего нам гневаться?

– Какой сейчас год? – спросил Усман.

– Засушливый, – с готовностью ответил дед, – только-только и собрали хлебушка, чтобы с голоду не сдохнуть да подати заплатить. С Божьей помощью, – добавил он, придав лицу ангельское выражение. Стало сразу понятно, что хлеба в этом году собрали все-таки несколько больше.

– Какой год от Рождества Христова? – уточнил Усман.

– Как какой? – не понял дед.

– Сколько лет прошло с тех пор?

– Ой много! Так много, что и не упомянуть! Страсть как много!

– Ты грамотный?

– Никак нет, ваше священство! Закон блюдем свято. И никто из моих – ни-ни, ни в коем разе, спаси господи.

– Кто сейчас правит страной?

– Анператор.

– Как зовут?

– Его анператорское величество Николай Александрович Второй.

Усман повернулся ко мне и растерянно произнес:

– Ничего не понимаю. Если правит Николай Второй, здесь должна быть железная дорога. – Он снова повернулся к деду. – Где железная дорога?

– Не могу знать, ваше священство. Окромя вот этой вот дороги, других не ведаем.

– Понятно... А скажи-ка мне, дед, вот что. Кто ваш помещик?

– Его сиятельство боярин Евпраксин, Аристарх Львович.

– Параллельный мир, – сказал я.

– Что? – не понял Усман.

– Это не прошлое, это параллельный мир. У нас во времена Николая Второго крепостного права уже не было.

– Значит, это прошлое параллельного мира. Или не тот Николай Второй. Ладно, поехали в Михайловку, от них все равно больше ничего не добьешься. Вот еще что, – он обернулся к абorigенам. – Смотрите сюда.

Усман лениво размахнулся расслабленной рукой и резко ударил по краю телеги. Кусок горбыля шириной с пол-ладони и толщиной в палец с хрустом разломился.

– Если кто-то дернется, – сказал Усман, – и я подумаю, что он хочет завладеть нашим оружием, с ним будет так же. Понятно?

Аборигены дружно закивали, мы погрузились на подводы и двинулись в путь. Дебилоподобный мужик пересел на первую телегу, мальчишка – на вторую, а третью оккупировали мы с Усманом и дедом.

7

Деда звали Тимофеем, мужика – Устином, а мальчишку – Федором. Устин был сыном деда, а Федор, соответственно, внуком. Я отметил, что первые буквы имен следуют в алфавитном порядке, и сказал об этом деду, но тот то ли не знал, что такое алфавит, то ли смертельно боялся обнаружить свое знание. Кажется, здесь крестьянам запрещают учиться грамоте. Почему?

Дед Тимофей ответил на мой вопрос обстоятельно и со знанием дела.

– А зачем хрестьянину буквы знать? – спросил он и сам себе ответил: – Незачем. Одна беда от этой грамоты простому человеку. Ничего хорошего для простого человека в буквицах нет и быть не может.

– А как же Библию читать? – спросил я.

Дед так перепугался, что, казалось, стал вдвое меньше.

– Да что вы говорите, ваше священство! – забормотал он. – Мы же знаем, что Библию читать токмо вашим священствам дозволено, а нам, темным, запрещено наистрожайшим образом.

– А с чего ты взял, что мы священники? – подал голос Усман.

– Как это с чего? У товарища твоего крест на груди. Нешто неясно?

– Разве обычные люди не носят кресты? – удивился я.

– Как можно! – Дед зашелся от негодования. – Святотатство и богохульство!

– А как у вас к мусульманам относятся? – спросил Усман.

– К басурманам? Да никак. Люди как люди, только вера у них другая.

– Поганая? – уточнил Усман.

– Ну да, поганая, языческая то есть.

– Как же языческая? Языческая вера – это когда богов много, а у мусульман Бог един.

– Не знаю я, – вывернулся дед, – я человек темный, святым делам не обученный. Слыхал, что басурманская вера поганая, а правда то или нет – мне неведомо. Может, и неправда. А ежели хотите порасспросить кого, так вам в Троицк надо. Это по Московской дороге два дня пути и один день в сторону, на запад. Там монастырь стоит, там вам монахи на все вопросы и ответят, – дед загадочно хихикнул.

– А сколько народу в Москве живет? – спросил я сам не знаю зачем.

– Тьма тьмуцая, – лаконично ответил Тимофей.

– Точнее не знаешь?

– Кто ж его знает точнее? Много там народу, больше, чем в Серпухове, в Подольске и в Троицке, вместе взятых, вона как много!

– А что у тебя в мешках на первой телеге? – спросил Усман.

Дед Тимофей замолчал, будто прикусил язык. Потом нехотя произнес:

– Значит, разбойники.

– Да не разбойники мы никакие! – возразил Усман. – Просто интересно. Что, спросить нельзя?

– Спросить-то можно, – печально сказал дед. – Ситец там, рогожа, платок шелковый для Маськи, гвозди железные, крючки рыболовные, соль столовая... Мы же с рынка едем, сено продавали. Отбирать будете?

– Да ну тебя! – рассмеялся Усман. – На хрена нам все это барахло! Нас с Сергеем покормить, да в баньке попарить, да разговором развлечь – ничего больше и не нужно от вас. Можем и заплатить.

– Чем заплатить? – заинтересовался дед. Усман вытащил гранату из одного из многочисленных кармашков камуфляжа.

– Знаешь, что такое? – спросил он.

– Нет, – дед боязливо отодвинулся в сторону.

– Дергаешь за кольцо, бросаешь и прячешься. Через четыре секунды она взрывается.

– Это как?

– Разрывается на части вдоль насечки, а вот эти квадратики разлетаются во все стороны.

– Как пули?

– Примерно.

– Проверяете, ваше священство?

– С чего ты взял?

– Проверяете, не польщусь ли на запретное. Нет, ваше священство, у нас в Михайловке законы чтят, как положено. Будет вам и обед, и баня, и остальное, и все бесплатно. А яйцо ваше я и даром не возьму.

– Почему?

– Запретное потому что.

Мы еще долго ехали – почти до самого вечера. Ни одного постоянного двора на дороге не встретилось. Тимофей пояснил, что они размещаются в дне пути друг от друга, до следующего можно добраться в аккурат к закату. Трижды мы встречали обозы, которые при виде нас съезжали на обочину, уступая дорогу. Хозяева одного обоза даже куда-то попрятались, и если бы мы с Усманом польстились на немудреное добро, наваленное в телеги, оно досталось бы нам без малейшего труда. Странно, что никто нас не обгонял, хотя мы двигались шагом. Не увидели мы также ни одного всадника и ни одного пешего путника.

Я спросил об этом деда Тимофея и получил исчерпывающий ответ:

– Боятся. Попрятались, стало быть.

– А чего боятся? – удивился я.

– Как чего? Вас и боятся. С пищальями, в броне – да еще в такой страшной броне, ненашенской. Любой испугается.

Больше мы не возвращались к этой теме. Из разговора я узнал, что семья у деда Тимофея большая – считай, половина деревни его родственники; что помещика Евпраксина живьем никто не видел – он живет в Москве, как и положено помещику, а в имении никогда не бывал, ибо нечего ему там делать. Цены на соль и на шелк растут год от года – купцы говорят, что из-за войны с немцами. Война идет уже третий год, каждую весну проходит рекрутский набор, а прошлой осенью внеочередной был. И в Троицком монастыре, говорят, тоже провели внеочередной набор монахов. Несмотря ни на что жизнь продолжается, молодых мужиков в войско забрали не всех... Ничего интересного, в общем, в мире не происходит.

– А кто на нашей стороне воюет? – спросил я. – Англичане, французы?

– Немцы какие-то воюют, – ответил Тимофей. – Одни немцы за нас, другие против нас, а какие из них кто – простому человеку не разобрать.

– Первая мировая война? – предположил Усман.

– Вполне может быть. Слушай, дед, а пушки в русской армии есть?

– В войске-то? Есть, а как же, есть пушки.

– А танки?

– Это еще что?

– Повозки такие бронированные с пушками.

– Нет, о таких не слыхал. Да и зачем повозки бронировать? От божьего слова броня не защитит.

Дальше разговаривать было бессмысленно. Половину вопросов дед не понимал, на другие отвечал так, что понятнее не становилось. Потихоньку мы перешли на житейские темы. Я рассказал анекдот про то, как молодой человек пошел к родителям любимой девушки просить руки их дочери. Будущая теща предложила ему с ней переспать. Будущий зять побежал к машине за презервативом, где его встретил будущий тесть, сообщивший ему, что это было испытание, которое он успешно выдержал, раз покинул дом с таким загадочным выражением на лице.

– А что такое презерватив? – спросил Тимофей и добавил, выслушав мои объяснения: – Придумают же люди... Грех это – божьему промыслу препятствовать.

– В каком смысле? – не понял я.

– В таком смысле, что раз кому суждено дите зачать, так это божий промысел, и препятствовать ему нечего. Иначе геенна огненная.

Больше я не рассказывал анекдотов.

Ближе к вечеру наш обоз свернул с главной дороги на проселок, едва намеченный колесами немногочисленных телег. Дед снова начал горланить песни. Все были похабные, некоторые – довольно смешные. Когда дед устал, я спел пару песен из «Сектора Газа», которые понравились гораздо больше, чем анекдот про тещу. Дед только не понял, что такое педераст. Пришлось объяснить и выслушать очередную тираду о грехе. Какие-то они все слишком религиозные.

Потом мы с Усманом попытались спеть дуэтом «Звезду по имени Солнце» – не удалось, потому что все три аборигена опять повалились на колени и стали умолять не губить их грешные души. Остаток пути мы ехали молча.

8

Михайловка оказалась совсем маленькой деревушкой, не больше двух десятков домов – если только эти халупы можно было назвать домами. Вместо окон – узкие горизонтальные щели в одно бревно, затянутые бычьим пузырем. Ни одной трубы над крышами, печка дымит прямо в комнату, дым выходит в узкие щели под потолком. Интересно, конечно, увидеть живьем, что представляет собой древнерусская курная изба, но жить тут я бы не хотел. Даже в продвинутой двухэтажной модификации, которая отличается от базовой тем, что скотина содержится отдельно от людей на первом этаже, именуемом «подклеть».

Такая изба в деревне была одна – и жил в ней дед Тимофей, который оказался деревенским старостой. Местное население, удивительно многочисленное для столь маленькой деревеньки, слушалось его беспрекословно. В продвинутой избе нам выделили место для почетных гостей. Взглянув на него, я осведомился у Усмана, не было ли в «газели» репеллента от вшей и клопов. Усман мрачно сообщил, что нет.

Оружие и экипировка отправились под лавку, Усман – в свеженатопленную баню. Судя по интонациям, звучавшим в голосе деда, когда он говорил о бане, она была единственной в радиусе километров тридцати, и он очень гордился этим фактом. Я остался сторожить оружие, стараясь не обращать внимания на уверения деда, что здесь ничего не украдут. Скорее всего, и вправду не украдут, но расслабляться не стоит.

Усман вернулся только через час – в холщовых домотканых портах и такой же рубахе – распаренный и удовлетворенный. Выглядел он странно. Я не удержался и спросил, что с ним случилось. Усман загадочно улыбнулся, мол, ничего плохого. Дальнейшие мои расспросы проигнорировал.

Я отправился в баню. Стоило мне переступить ее порог, как я сразу сообразил, почему у Усмана было такое лицо. В предбаннике сидели две женщины: одна – совсем еще девчонка, другая постарше. Обе были совершенно обнажены. Их глаза не оставляли сомнений в том, что сейчас со мной будут делать. Я не сопротивлялся.

Спустя вечность, когда обе крестьянки были полностью удовлетворены, я случайно посмотрел в сторону дверей и увидел, что у порога дожидается вторая смена. Еще две девчонки – совсем молодые, лет по тринадцать, и несколько менее красивые. Они что, решили пропустить через меня всю деревню?

Я решительно запротестовал, крестьянки не возражали, и мы отправились в парную. Дальше все шло так, как обычно в русской бане, не было только купания в ледяной воде, потому что рядом не оказалось ни пруда, ни речки. Девчонки сказали, что зимой они валяются в снегу, но сейчас снега еще мало. В общем, как в пошлом анекдоте: пошел грузин в баню, заодно и помылся.

Когда ритуал был завершен, я обнаружил, что моя одежда уже постирана, а для меня приготовлен комплект холщового белья неопределенного цвета и фасона. Но одеться мне сразу

не дали. Я, конечно, мог воспротивиться, но убедил себя, что по местным меркам тринадцатилетняя девчонка считается взрослой женщиной, что никакая это не педофилия... в общем, мне было хорошо. Кстати, ни одна из девчонок не была девственницей, так что моя совесть окончательно успокоилась.

А потом мы сидели, сбившись в тесную кучу, за голым деревянным столом, освещенным чадающей лучиной, и ели деревянными ложками безвкусную кашу, которую запивали самогоном отвратительного качества. Я ограничился порцией граммов в сто – показалось, что вторая порция если и не окажется смертельной, то уж точно заставит закуску отправиться в обратное путешествие. Усман вообще отказался от выпивки – мусульманин, блин. В общем, ужин несколько испортил общее впечатление от деревенского гостеприимства.

Все было съедено и выпито, и аборигены стали укладываться на ночлег. Нам с Усманом выделили на двоих почетную лежанку на печке и еще двоих девиц, чтобы не скучали. Я спросил Тимофея, с чем связан такой обычай, он к этому времени уже изрядно захмелел и потому ответил просто и понятно:

– Не знаю, кто вы такие – дикие монахи, беглые стрельцы или ангелы небесные, – он перекрестился, – но одно знаю точно: ваше семя нашей общине не повредит. Буду молиться, чтобы от вас понесли все молодки, но даже если понесет хотя бы одна – хорошо. Слишком редко к нам заходят почетные гости.

– А что в нас такого почетного? – спросил я.

– Вы с пищалями, а ты еще и с крестом. Что еще нужно для почета?

Я не знал – что, поэтому молча полез на печку. И через несколько минут обнаружил, что пять раз за вечер для меня вовсе не фантастика, а реальность.

9

Тимофей разбудил меня еще до рассвета. Потормошил за плечо, вначале осторожно, а потом все более бесцеремонно.

– Просыпайтесь, ваше священство, – сказал он, – вам пора уходить.

– Куда? – не понял я. – Зачем?

– Скоро приедут стрельцы, – пояснил он, – вам опасно здесь оставаться.

– Почему ты раньше не сказал?! – воскликнул я, и от возгласа пробудился Усман.

– Что такое? – спросил он спросонья.

– Одевайся, – ответил я, – дед говорит, могут появиться стрельцы.

– Пусть, – сказал Усман. – Как раз они нам и нужны.

– Уверен? – спросил я.

– Уверен. Должны же мы выяснить, что здесь творится, а у этих оболтусов спрашивать бесполезно.

– Они придут с монахом, – сообщил Тимофей.

– Да хоть с папой Карло, – отмахнулся Усман. Тимофей перекрестился.

Я перелез через проснувшуюся девицу и спустился с печки. Стрельцы стрельцами, а одеваться все равно надо.

10

Стрельцы не приехали. Каждые полчаса ободранный и задрипанный петух кукарекал сирым голосом. Приближался полдень, а стрельцов все не было. Я сидел на крыльце и курил предпоследнюю сигарету. В этом мире есть табак, но простые люди не курят – им не положено. Курят только бары. Монахи и священники тоже не курят, потому что для служителей Господа

табак – зелье сатанинское. По любому, разжиться табаком нам в ближайшее время не светит. Жаль.

Усман предложил размяться, и я согласился – делать все равно было нечего. Еще не успели закончиться прыжки и растяжки, а вокруг нас уже сформировалось живое кольцо из деревенских жителей, причем не только мальчишек, но и взрослых и стариков. Даже несколько женщин затесалось в их ряды.

Мы махали руками и ногами почти час – если считать вместе с перерывами. Оказалось, что Усман дерется гораздо лучше меня, и вначале мне пришлось раз десять побывать на земле. Потом Усман ослабил напор, и я тоже получил шанс отточить свое боевое умение. Спросил его, что это за школа, и Усман ответил – ушу. Он назвал какое-то длинное китайское слово и уточнил, что школа относится к числу внутренних. Я кивнул с умным видом, как будто знал, чем внутренние школы ушу отличаются от внешних.

Потом Усман занялся оттачиванием моей техники. Я наносил разнообразные удары, он легко отбивал их, а потом объяснял, что в моих действиях неправильно. Я набрался наглости и попросил его учить меня, так сказать, по полной программе. Усман вздохнул и сообщил, что базовый курс занимает не менее полугода, должен постигаться в полном душевном спокойствии и абсолютной уравновешенности.

– Когда все определится, – сказал Усман, – я буду учить тебя, притом с удовольствием. Ты очень хорошо дерешься для профана. Занимался мордобоем в каком-то подвальном клубе?

– Нет, у нас была секция в школе.

– Один хрен. Твой тренер говорил, что это карате?

– Ага. Он еще требовал называть его сенсеем.

– Зря требовал. Ничего, будет время – я покажу тебе, чем искусство отличается от мордобоя.

Стрельцов все еще не было. Мы выкурили две последние сигареты, а потом Усман стал учить меня метать нож. К концу тренировки нож, брошенный моей рукой, три раза из пяти попадал в стену избы лезвием, а не рукояткой. Усман сказал: еще два-три занятия – я буду попадать, как надо, девять раз из десяти.

Стрельцов не было. Хотелось есть. То ли в древнерусских деревнях не принято завтракать, то ли Тимофей решил на нас сэкономить. Я позвал пробегающего мимо пацаненка лет восьми, он нашел Тимофея, и я задал ему этот вопрос. Дед ответил, что завтракать действительно не принято, а для обеда еще рано, но если почетные гости настаивают, он распорядится. Почетные гости настаивали, и он распорядился.

Мы пообедали картофельной похлебкой, в которой плавали редкие кусочки лука и еще более редкие обрезки сала. На соли крестьяне явно экономили. Черный хлеб был черствым. Похоже, для почетных гостей с него срезали плесень. Но лучше такая еда, чем никакая.

После обеда Усман решил не ждать у моря погоды и ехать. Дед Тимофей сообщил, что ближайший город называется Подольск, до него два дня пути, причем не важно – пешком двигаться или на лошади, потому что крестьянские лошади путешествуют шагом и никак иначе. Бывают еще лошади барские, военные и почтовые. Они могут бежать рысью, но ближе Шаропова Яма их все равно не найдешь. Усман велел подготовить телегу и кучера, и Тимофей удивился, что почетные гости предпочитают путешествовать в телеге, а не верхом. Ему даже не пришло в голову, что мы ездить верхом попросту не умеем. Вдоволь наудивлявшись, Тимофей отдал необходимые распоряжения, и к крыльцу была подана хорошо знакомая нам телега в комплекте с белобрсым подростком Федькой в качестве кучера.

Когда мы собрались отъезжать, Тимофей упал на колени и нижайше просил не отбирать телегу и лошадь навсегда, а позволить Федьке вернуться домой. Усман милостиво согласился. Тимофей нижайше умолял поклясться, и Усман поклялся милосердным Аллахом. Дед Тимофей впал в проstration. На этой ноте мы и покинули деревню Михайловку.

Федька явно боялся. Он старался не показывать свой страх, но боялся. Думаю, каждую минуту ему казалось, что страшные воины в пятнистой броне превратятся в каких-нибудь кощеев и в лучшем случае сожрут его живьем, а в худшем – растерзают грешную душу, не дав ей никаких шансов попасть в райские кущи или во что они тут верят. Кстати, не прояснить ли этот вопрос, ведь делать все равно нечего.

– Скажи мне, Федор, – начал я, – как был сотворен мир?

Федор испуганно шмыгнул носом, втянул голову еще глубже в плечи и ответил дрожащим голосом, которому безуспешно пытался придать взрослую сиплость:

– Бог сотворил мир за шесть дней.

– А откуда взялся первый человек?

– Хватит маяться дурью, – перебил меня Усман, – лучше посмотри вперед.

– Стрельцы, – жалобно выдохнул Федор. К нам приближался десяток всадников на более-менее приличных лошадях, судя по виду – из тех, что могут некоторое время бежать рысью, а потом не упадут замертво. Эти лошади напомнили мне тех, на которых в наше время ездят боевики по чеченским горам.

Униформа всадников была более чем оригинальна. Длинный стеганный кафтан с разрезами по бокам – для удобства верховой езды, высокая шапка с меховой оторочкой, вытертой у всех до состояния искусственного Чебурашки, галифе, высокие сапоги со шпорами – и все это цвета хаки. Камуфляж без пятен и разводов, однотонный – как во времена Великой Отечественной. И все-таки камуфляж. Из оружия наличествовали пять огромных ружей, сравнимых по габаритам только с тяжелыми снайперскими винтовками, и четыре тонкие пики с красными флажками, закрепленными около острия. Также стрельцы обладали саблями: у тех, кто с ружьями, сабли выглядели поменьше, у тех, кто с пиками, – побольше. Десятый всадник, очевидно командир, имел при себе саблю с трехцветным шнурком на эфесе, нехилую дубину, окванную на конце железными ребрами, два длинноствольных кремневых пистолета в специальных карманах на седле и бронежилет. Скорее всего, это был просто жестяной лист, обтянутый брезентом, но издали сооружение выглядело в точности как титановый десантный бронежилет.

Приблизившись метров на сто, всадники перестроились в шеренгу, и оказалось, что их не десять, а одиннадцать. Одиннадцатым был монах в сильно испачканной черной рясе. Его лицо заросло бородой по самые глаза, так что возраст нельзя было определить даже приблизительно. Монах не имел никакого оружия, кроме двух пистолетов в седельных карманах, но сдавалось мне, что эти пистолеты достались ему вместе с первым попавшимся седлом, выданным в спешке. Самой заметной деталью в облике монаха было гигантское распятие на груди, которое новые русские называют «крест с гимнастом».

Стрельцы развернулись в цепь, Федор попытался было пропищать «тпру-у», но был остановлен железной рукой Усмана, ласково хлопавшей его по спине.

– Не дрейфь, малец, – ободрил его Усман, – прорвемся.

Стрельцы с ружьями переместились на фланги, спешили и стали снимать с лошадиных спин железные треноги. Все правильно – только неисправимые оптимисты стреляют с руки из ружья такого размера. Далековато они спешили, на дистанции в сто метров попасть в человека из гладкоствольного ружья не просто даже с упора.

Командир и монах продолжали движение неспешной рысью, метрах в пяти за ними следовали стрельцы с пиками. Равнение они держали идеально. Я рассмотрел лицо командира – молодой, вряд ли старше двадцати трех, это окладистая борода придает ему более взрослый вид. Усман тяжело вздохнул и два раза щелкнул предохранителями, приведя в боевое состо-

яние автомат и подствольник. Затвор он не передергивал – так делают только голливудские герои, нормальный человек загоняет патрон в патронник заранее.

Я повторил манипуляции Усмана. Мы переместились поближе к краям телеги, чтобы удобнее было спрыгнуть на землю, если понадобится. Не было сказано ни слова – нет необходимости сотрясать воздух: двум обстрелянным бойцам все понятно и так.

До всадников осталось метров двадцать, когда юный командир стрельцов поднял вверх левую руку. Лошади остановились, как духи-новобранцы по команде «стой, раз-два». Хорошая у них строевая подготовка.

Командир повернул руку ладонью к нам, и Федор натянул поводья, не дожидаясь приказа. Его и не последовало.

Практически синхронно мы с Усманом мягко спрыгнули с телеги и неспешно пошли навстречу стрельцам, держа автоматы в положении «на грудь». Ремни, впрочем, сняли с плеч – только самоубийцы в ближнем бою набрасывают автоматный ремень на шею.

– Кто такие? – спросил властным тенором главный, когда до нас осталось десять-пятнадцать шагов.

– А вы кто такие? – переспросил Усман. На лице главного стрельца отразился вовсе не гнев, как я ожидал, а удивление.

– Если ты еще не понял, мы – дорожная стража Крымского тракта, – сообщил он. – А ты кто такой?

– Разве дорожная стража не должна представляться? – спросил Усман.

– Командир второго взвода Подольской роты подпоручик Емельянов, – сообщил командир и сделал неопределенный жест булавой, который, должно быть, символизировал отдание чести. – В третий и последний раз спрашиваю, кто вы такие. Потом огонь на поражение.

– Я Усман ибн-Юсуф Абу Азиз эль-Аббаси, – отрекомендовался Усман. – А это мой друг Сергей... э-э-э...

– Иванов, – подсказал я.

– Мой друг Сергей Иванов, – закончил Усман.

– Ты чеченец?

– Араб.

– Не важно. Куда направляетесь?

– К вам. Мы ждали вас в Михайловке все утро, но вы так и не появились. Пришлось выехать навстречу.

На лице подпоручика Емельянова отразилась сложная гамма чувств. Он не понимал, что происходит, но подозревал, что над ним издеваются.

– Не советую стрелять, – произнес Усман с ласковой улыбкой на лице. – Мы тоже стреляем на поражение.

– Что это за пищали? – спросил подпоручик.

– АК-74, – честно ответил Усман. – Пусть вас не обманывает, что ствол у них тонкий и короткий. Они стреляют несколько не хуже ваших.

– Зачем пугали людей на тракте? – Подпоручик решил подойти к проблеме с другого конца.

– Кто пугал? – как бы не понял Усман.

И это оказалось последней каплей, переполнившей терпение командира второго взвода.

– Бросай оружие! – заорал он. – Неподчинение карается расстрелом на месте! Считаю до трех. Раз, два...

На счет «два» тишину взорвали две автоматные очереди. Я стрелял под ноги стрельцам левого фланга, если смотреть с нашей стороны, Усман дал очередь поверх голов правого фланга. Подпоручик Емельянов явил миру глаза по пять копеек и открыл рот. Лошади

стрельцов сдали полшага назад, испуганно прядая ушами. Федька полез под телегу, его лошадь заржала и попыталась отступить, но уперлась задом в передок телеги и остановилась.

Единственным, кто сохранил самообладание, был монах. Он поднял перед собой распятие и произнес густым басом, неожиданным для его тщедушного тела:

– Во имя Отца и Сына и Святаго Духа...

Глаза Иисуса Христа на распятии вспыхнули недобрый золотистым светом. Крест на моей груди изменился. Нельзя сказать, что он стал горячее или холоднее, легче или тяжелее, он просто как-то изменился. И его изменение послало в мой мозг четкий и недвусмысленный приказ, которого нельзя ослушаться, потому что иначе конец.

Я поднял ствол и сделал парный выстрел. Между двумя глазами монаха красным цветком расцвел третий. Редкостная удача! Очень трудно направить пулю в какую-то определенную часть тела противника, когда стреляешь навскидку. А вторая пуля увистела куда-то далеко – это нормально, именно поэтому мы говорим «одиночный выстрел», а подразумеваем «парный».

Монах дернулся, как будто был марионеткой, которую резко потянули за веревочку откуда-то сверху. Он завалился на сторону и рухнул на землю, как мешок с чем-то мягким и неодушевленным. Я успел заметить, что глаза Христа погасли и стали обычными серебряными глазами серебряного распятия.

– Бросайте ружья! Быстро! – резко крикнул Усман, и стрельцы послушно выполнили команду. – Ты! – показал он на подпоручика. – Медленно достаешь пистолеты по одному и кидаешь на землю. Хорошо. А теперь все дружно слезаем с коней и начинаем разговаривать. Он подошел ко мне и спросил:

– Почему ты выстрелил?

– Глаза на распятии...

– Думаешь, это было опасно?

– Уверен. Понимаешь, крест...

– Потом расскажешь. Эй, бойцы!

Бойцы стояли вокруг нас унылым полукругом, держась на почтительном расстоянии.

– Кто мне скажет, – начал Усман, – зачем вы нас искали? Подпоручик Емельянов неуверенно открыл рот и начал говорить – вначале сбивчиво, а потом все более четко:

– Купцы донесли о двух разбойниках в броне и с пищалями, ехавших на подводах Тимофея Михайлова.

– Почему разбойниках? – удивился Усман.

– Потому что на вас не стрелецкая форма. Огнестрельное оружие носят баре, стрельцы и разбойники.

– Может, мы баре? Емельянов вежливо улыбнулся.

– Ладно, вы приняли нас за разбойников. Что с нами случилось бы, если бы мы сдались?

– Как что? Свезли бы в судейский приказ на правеж, а остальное не наше дело.

– Что за правеж? Дыба, что ли?

– Может, и дыба, – согласился подпоручик. – Только разбойники обычно все сами выкладывают.

– А если мы не разбойники?

– А кто же тогда?

Усман вопросительно взглянул на меня, и я кивнул.

– Мы явились сюда из другого мира, – начал я, и трое стрельцов немедленно перекрестились. – В том мире от Рождества Христова прошло 2002 года, там есть автомобили и самолеты и нет стрельцов и помещиков. В нашем мире грамоте обучены все, и каждый может читать Библию, сколько ему заблагорассудится. И еще у нас нет обычая подкладывать молоденьких девочек священникам и разбойникам. С нами случилось что-то непонятное, и мы оказались здесь.

Долго брели через лес, а потом вышли на дорогу и встретили Тимофея Михайлова с сыном и внуком. Вместе с ними приехали в Михайловку и провели там ночь. Сегодня поехали вам навстречу, чтобы встретить тех, кто может объяснить, что здесь происходит. Почему, кстати, глаза у распятия загорелись желтым пламенем?

– Божье слово, – ответил Емельянов. Очевидно, он считал, что сказал достаточно, но я по-прежнему не понимал главного.

– Что еще за божье слово? – спросил я. – Если начать молитву, у распятия загораются глаза? У любого распятия, или нужно особое?

– У любого распятия. Только слово должен говорить священник.

– Понятно. То есть непонятно. Зачем вообще нужно это божье слово?

Теперь перекрестились все стрельцы, а некоторые перекрестились дважды.

Емельянов глубоко вдохнул и начал вещать:

– Слово дано истинно верующим от Бога как священный дар процветания и благоговения. Нет границ для слова и нет того, что слово не преодолевает, ибо сказано, что вначале было слово, и слово было у Бога, и слово есть Бог.

– Если я захочу погасить солнце и скажу правильное слово, солнце погаснет? – спросил я. Новая волна крестных знамений.

– Сказано в Писании, – продолжал Емельянов, – что ежели у кого вера с гору, то слово такого человека сдвинет гору, а ежели вера с горчичное зерно, то такому и зерна не сдвинуть.

Я, кажется, начал кое-что понимать.

– Что может вера обычного человека? – спросил я. – Например, того монаха. Он мог меня убить?

– Он должен был тебя убить, слово действует мгновенно, и от него нет защиты. Почему ты еще жив?

– Он не успел договорить свое заклинание.

– Это не имеет значения, слово действует до того, как произнесено.

Мы с Усманом переглянулись. Вот оно, значит, как. Но почему... Крест?!

Ладно, с этим потом разберемся.

– Как можно увеличить веру? – спросил Усман. – Если я хочу, чтобы мое слово стало сильнее, я должен прочитать какую-нибудь священную книгу, помолиться... правильно? Кстати говоря, слову дает силу только христианская вера?

Емельянов помотал головой.

– Нет, – сказал он, – у басурман тоже есть слово, иначе с турками не воевали бы каждые десять лет. Божье попущение, говорят.

– Понятно. Поэтому никому нельзя учиться грамоте?

– Почему никому? Я, например, грамотен.

– Да, конечно, офицеру без грамоты нельзя работать с картами. А крестьянам она незачем, а то еще Библию прочитают и словом овладеют. Правильно?

Подпоручик мрачно кивнул. Усмана несло.

– И кресты нательные у вас тоже запрещены, да? По той же причине? И монахи у вас вроде как боги, только маленькие?

– Так нельзя говорить, – возмутился подпоручик, – ересь карается...

– Да мне плевать, чем карается ересь! – взвизгнул Усман. – У нас два автомата, и пусть кто-то попробует покарать!

Емельянов задумчиво посмотрел сначала на Усмана, потом на меня.

– Я не понимаю, – осторожно начал он, – почему вы еще живы? Выстрел не может обогнать слово.

– У хорошего бойца выстрел все может! – выкрикнул Усман и успокоился.

Он повернулся и вопросительно взглянул мне в глаза. Я значительно кивнул.

– Крест может быть защитой от слова? – спросил я.

– От слова нет защиты, – ответил Емельянов, – только вера и как символ веры – другое слово. Хороший священник произнесет слово и без креста.

– А крест в руках неверующего? – уточнил Усман.

– Простая побрякушка.

На всякий случай я подошел к убитому монаху и снял с него крест. Да, канон здесь явно не тот. Если обычно Иисус дистрофически тощ, то здесь можно подумать, что на кресте распят Жан Клод Ван Дамм. И выражение лица не скорбное, а совершенно спокойное и уверенное, будто не на крест он взобрался, а на тарзанку в парке Горького. Я взгляделся в глаза Иисуса, попробовал передать вечно живому Богу часть своей силы и получить сторицей, как он обещал ученикам, но ничего не случилось. Живой Бог выглядел мертвым, а я не обрел никаких сверхъестественных сил. Я перекрестился и почувствовал себя идиотом. «Отче наш» решил даже не начинать.

Усман неслышно подошел сзади.

– Крест? – тихо спросил он. – Это твой крест нас защитил?

Я кивнул.

– Не знаю, в чем тут дело, – сказал я, – честное слово, не знаю. Я понял, что должен выстрелить, и выстрелил. Крест как-то подсказал мне, что делать, но как?..

– Не грузись, – оборвал меня Усман. – Давай лучше подумаем, что будем делать с этими гоблинами. В приказ я ехать не собираюсь, на дыбу за убийство монаха мне что-то не хочется. А тебе?

– Мне тоже.

– Значит, надо уходить. А для этого требуется поменять нашу одежду на что-нибудь более подходящее. Может, у крестьян приватизировать?.. Жалко, что мы с тобой не умеем ездить верхом.

– Разве арабы не все...

– Нет, не все. Эй, подпоручик! Кто может остановить крестьянина, путешествующего на собственной телеге?

– Да кто угодно.

– Но Тимофей... он же ехал по большой дороге, и было непохоже, чтобы он чего-то боялся.

– Крестьяне имеют право ездить на ближайший рынок продавать и покупать. Для дальних поездок нужно благословение.

– Какое еще благословение?

– Деревянная или металлическая пластинка с изображением, символизирующим суть поездки. Может выдаваться настоятелем прихода, барином или судейским дьяком.

– Понятно. У тебя оно есть?

– Зачем? Мы же стрельцы.

– Понятно. Стрельцы бывают пешими?

– Хочешь изобразить нас? Не выйдет, стражи не имеют права покидать охраняемую зону без благословения. А в охраняемой зоне нас всех знают в лицо.

– Так это что получается, без боя никуда, по любому, не деться? Тогда поехали в приказ!

– Сдурел? – Емельянова аж перекосило. – Твой друг убил монаха! Вам не выйти оттуда живыми! И нам тоже мало не покажется – за то, что монаха не уберегли.

По-моему, пора и мне вставить слово.

– Сдается мне, подпоручик, – сказал я, – что ты не особо жалуешь монахов. Я прав?

Подпоручик озадаченно пожал плечами:

– А кто их жалует? Но против слова не попрешь. Жаль, ребята, но у вас нет выхода, кончится порох и...

- Положим, порох не скоро кончится, – заметил Усман.
- Ну и что с того? Против двух монахов сразу вам никак не выстоять. Если мы не вернемся к вечеру, воевода поднимет в ружье резерв. Вас загонят, как медведя на охоте.
- Значит, у нас вообще никаких шансов? – уточнил Усман.
- После убийства монаха – никаких, – подтвердил подпоручик. – Если только...
- Что?
- Расскажите-ка поподробнее, что с вами стряслось.

12

У стрельцов был с собой сухой паек, и мы пообедали – не слишком сытно, но в нашем положении выбирать не приходится. Странное это было зрелище – мы с Усманом в камуфляже и с «калашами», десяток стрельцов в безумных кафтанах, поодаль – стреноженные кони, пищали, состроенные в пирамиду, рядом на траве аккуратно разложены сабли и пики. Перед тем как отбросить все предосторожности, Усман спросил у стрельцов, кто из них самый сильный. Вызвался мрачный коренастый бородач, похожий на гнома. Усман легонько побил его, после чего сообщил остальным, что так будет с каждым, кто рискнет напасть на нас. Увидев судьбу бородача, стрельцы начали перешептываться, но не озабоченно, а скорее восхищенно и с некоторым благоговением.

В общем, автоматы и бронежилеты отправились в общую кучу воинской справки, и сцена вокруг наскоро разведенного костерка больше напоминала охотничий бивак, чем временное перемирие с целью переговоров между враждующими сторонами.

Я читал в какой-то исторической книге, что в средние века и чуть позже игры в военное благородство были довольно широко распространены. Викинги, например, огораживали поле боя особой чертой, и если воин выходил или выползал за ее пределы, он считался как бы вне игры – его нельзя было убивать, потому что тогда от убийцы отвернутся боги и ему ни в чем не будет удачи. А когда эскадра Ушакова подошла к крепости Корфу, начался шторм, и английский (или французский?) комендант милостиво позволил врагам укрыться от непогоды в бухте. Офицеры были приглашены в крепость на званый ужин, их накормили, напоили и показали им спектакль. На следующий день море успокоилось, русские корабли вышли в море и атаковали крепость.

Даже в русско-японскую войну имели место отдельные проявления подобных пережитков прошлого. Только в двадцатом веке война перестала быть рыцарской забавой и окончательно превратилась в то, чем была всегда – в узаконенное убийство. Хорошо, что в этом мире время прозрения еще не подошло.

В общем, мы грелись вокруг костерка, грызли вяленое мясо с сухарями, я и Усман в десятый раз повествовали, что с нами произошло. Нельзя сказать, что стрельцы все поняли, да и было бы странно, если бы они враз уразумели, чем «газель» отличается от «шестерки». Но кое-какое представление о нас У воинов явно сформировалось.

– Значит, этот крест тебе дала святая женщина, – задумчиво проговорил подпоручик Емельянов, которого, как выяснилось, звали Иваном.

– Не знаю, святая она или не святая, – сказал я, – может, она вообще колдунья.

– Нет, – Иван замотал головой, – колдунья могла сотворить любой амулет, но только не в форме креста. Над крестом власть только у святых.

Предмет обсуждения лежал на моей ладони, и тринадцать пар глаз не отрывались от него. Только сейчас я понял, что не имею ни малейшего понятия о том, из какого материала изготовлен этот загадочный артефакт. Судя по весу, алюминий, но алюминий давно бы уже покрылся матовой пленкой, а крест ярко сияет в лучах солнца, когда оно пробивается сквозь сгущающиеся тучи. Какой-нибудь сплав на основе магния? Это можно проверить, достаточно

поджечь, но мне не хочется, потому что при положительном результате крест сгорит. И откуда возьмется магний в чеченском ауле? Или крест выточен из куска сгоревшего самолета? Пожалуй, это самое вероятное, но все равно непонятно, кто его сделал, – ведь единственным христианином в тех краях была та старуха. Сама она никак не могла изготовить крест, и ясно, что ни один чеченец не взялся бы за такую работу. Ладно, пусть остается тайной.

– Ну что, бойцы? – обратился Иван к подчиненным. – Пойдем в приказ али судьбу испытаем?

Стрельцы нестройно загомонили. Кстати, оказывается, я неправильно называл стрельцами всех скопом. Стрельцы – это те, кто с ружьями, да еще командир. А те, кто с копьями, – копейщики.

Так вот, стрельцы и копейщики нестройно загомонили. Двое седобородых воинов, похожих ухватками на современных прапорщиков, решительно выступили за то, чтобы вернуться и повиниться. Ну, не совсем повиниться, а рассказать, что напали создания неведомые с пищалями ужасными, которые десять раз подряд одной пулей стреляют, монаха убили и всех остальных грозились извести.

– Так тебе дьяки и поверили, – скептически хмыкнул Иван.

– А с чего бы не поверить? – возразил «прапорщик». – Вернемся мы не все, я же вижу, что ты с ними уйдешь. Да не делай такое лицо, я все понимаю – сам молодой был. Когда б и у меня ни кола ни двора, кроме казенной квартиры, я бы тоже не воротился. Только мне внуков растить, сам понимаешь...

Иван глубоко вдохнул и шумно выдохнул, после чего грузно поднялся на ноги, снял шапку и смачно ударил ею оземь. Оказалось, что его густые светлые волосы собраны на затылке в конский хвост.

– Кто со мной? – спросил Иван.

Желающих оказалось семь человек, трое предпочли на судьбу не полагаться. Иван значительно посмотрел на Усмана и сказал:

– Командуй.

Усман задумался, а потом начал говорить.

– Вы, – он ткнул пальцем в троих отказников, – собирайте свое шмотье и проваливайте.

Оружие тоже можете взять.

– Пищали... – выдохнул Иван.

– Хрен с ними, – отмахнулся Усман, – нам и двух хватит. Что говорить – поняли?

– Создания неведомые с пищалями ужасающими, – продекламировал седобородый.

– Лучше два рыцаря в пятнистой броне, – предложил молодой востроглазый стрелец лет пятнадцати. – Когда поближе подошли, оказалось, что они мертвые, и у них в глазах черви копошатся. А потом один замахал руками вот так вот, – он показал, как именно замахал руками мертвый рыцарь, – ударился оземь и превратился в змия крылатого с дыханием смрадным и огнедышащим.

– Вот именно, – согласился Иван. – А еще этот змий напроорочил что-то неестественное.

– Нет, – резко сказал Усман, – сказки здесь не пройдут. Если эти самые дьяки в сказку поверят, поднимется такой шухер, что монахи в лесу каждую иголочку перевернут. А если не поверят, еще хуже будет. Надо по-другому говорить. Лес, крутой поворот дороги, засада. Два десятка разбойников с луками или там арбалетами. Сразу положили половину, остальным пришлось отступить. А потом... Или лучше так – монах сумасшедший на вас напал! Как сказал божье слово...

– Нет, – возразил псевдопрапорщик, – вот тогда монахи точно каждую иголочку в лесу перевернут. Лучше пусть змий, тем паче что в позапрошлом годе летал тут один.

– Как это? – не понял я.

– А вот так. Говорят, в Серпуховской лавре материализация чувственных идей случайно произошла. Монахов там много, только тех, что слово знают, больше сотни наберется. На Пасху разговелись, выпили, поехали кататься, файерворк иллюзионный устроили. Никто и не знает, как этот змий у них народился. До осени в наших краях летал, потом, когда холодать стало, говорят, на юг откочевал.

– Хорошо, пусть змий, – согласился Иван. – Давайте двигайте отсюда, незачем вам слышать, о чем мы говорить будем. Да не поспешайте сверх меры.

После короткого прощания ренегаты удалились. Они выглядели смущенными и опечаленными, но никто не сказал им вслед ни одного обидного слова. Внуки – это святое.

– Ну что, сорвиголовы, – обратился Усман к оставшимся, – давайте рассказывайте, где тут отсидеться можно, пока метель не началась.

Я взглянул на небо. Действительно, тучи выглядели довольно зловеще. Если начнется метель... Нет, с дороги мы не собьемся – дорога проходит через лес, а не через поле. Но оказаться в метель вдаль от дома более чем неприятно. Сами собой в памяти всплыли слова «день жестянщика», и я мысленно выругался. Какой, к черту, день жестянщика, когда единственный в этих краях автомобиль валяется на боку в густой чаще километрах в тридцати отсюда и никогда больше никуда не поедет!

– А что турысы разводить? – произнес Иван. – И думать нечего – в Михайловку ехать надо, деда Тимоху брать за вымя, пусть расскажет, как к Аркашке пробраться.

– К какому такому Аркашке? – не понял Усман.

– Есть тут один барин дикий, Аркадием зовут. Слово знает. Ватага у него – душ, наверное, пятнадцать будет, а если с бабами да детьми считать, то и полсотни наберется. В лесу

они живут, а где – никто, кроме Тимохи, и не ведает. Они на большой дороге кормятся, а через Тимоху краденое сбывают. Честно говоря, когда на вас донос пришел, я сначала Аркашку вспомнил: опять, думаю, nepотребство учинил.

– Значит, решено, – подвел итог Усман. – Вначале в Михайловку, потом к разбойникам. Федька! Разворачивай оглобли, поехали!

13

Дед Тимофей встретил нас у околицы. Он не выглядел удивленным. Когда наша кавалькада поравнялась с ним, он задумчиво пошамкал губами и проговорил:

– Эх, стрельцы, стрельцы... Не бережет вас начальство, сразу аж семеро в лес собрались. Куда Россия катится? И какой дурак удумал на такое дело стрельцов без монаха посылать?

– Был монах, – ответил я, – не волнуйся, дед, был там монах.

– Неужто пристукнули? – изумился дед. – Сильны божьи воины, ничего не скажешь.

– Он его из пищали, – подал голос Федька, – прямо промеж глаз, аж мозги брызнули!

– Не ври, – вмешался Усман, – ты все дело под телегой просидел, где ж тебе было видеть, у кого как мозги брызнули.

– А вот и не все! – возразил Федька. – Я потом сбегал, посмотрел.

– Врешь ты, – поддержал я Усмана, – никуда ты не бегал. Такая пуля мозги не вышибает, она первую кость пробивает, а от второй отражается, выходного отверстия вообще нет.

– Волшебная пуля? – заинтересовался дед. – Ох, хорошо! Теперь понятно, почему у вас пищали такие маленькие. Если пуля волшебная, большая пищаль не нужна. А пистолеты ваши тоже волшебными пулями стреляют?

– Что-то ты, дед, слишком хорошо в военном деле разбираешься для простого крестьянина, – заявил Усман.

– Нешто Ванька вам не рассказал ничего? – удивился дед.

– Рассказал, – признался Иван.

– Тогда чего ж шутки шутить? Вам ведь Аркашка нужен?

– Нужен, – согласился Усман.

– Подождать придется, – дед тревожно взглянул на небо. – Вот снег уляжется, тогда и пойдем. А сейчас и думать нечего – заплутаем в лесу, и поминай как звали. Ну что, гости дорогие, размещайтесь, устраивайтесь. Но в палате места только на троих хватит, остальным по избам придется, уж не взыщите. И баню у нас только вчера топили.

– Ничего, дед, – сказал Иван, – не нужна мне твоя баня, я на той неделе мылся уже. Не волнуйся, не обидимся.

14

Метель длилась три дня, а четвертый мы ждали, пока снег уляжется. Не понимаю, зачем нужно было терять целый день, но деду виднее.

Время тянулось медленно и тоскливо. Когда снег сыплется с неба сплошной стеной, когда, даже возвращаясь из отхожего места, трудно не заплутать, совсем не хочется вылезать на улицу без большой нужды, извините за каламбур. А в доме делать нечего. Не то чтобы совсем нечего – крестьяне всегда находят себе занятие: женщины то кормят и переодевают детей, то что-то вяжут или вышивают; мужчины с утра до ночи развлекаются починкой лошадиной сбруи, – у всех есть дело, кроме почетных гостей. Дед Тимофей взялся организовать наш досуг по высшему разряду, и каждого из почетных гостей постоянно и неотступно сопровождали две-три пригожие девицы. Даже когда кто-то из нас отправлялся в отхожее место, одна девица освещала факелом дорогу, а другая светила другим факелом у дверей, чтобы почетный гость не испытывал затруднений по возвращении. На второй день заточения я понял, что означает русское слово... ну, вы поняли – какое. А на третий день это понял и Усман.

Дедов самогон стал казаться не то чтобы приятным, но и не совсем отвратительным. Сидя взаперти, мы с Иваном регулярно прикладывались к бутылки, что вызывало косые взгляды Усмана, у которого, впрочем, хватало ума не вмешиваться не в свое дело.

Большую часть времени я спал, а когда не спал, то либо ел, либо валялся на жаркой печке, рассеянно разглядывая клубы печного дыма под потолком и держа в одной руке стакан с дедовым пойлом, а в другой – очередную пригожую девицу. Иногда я пытался петь, и мое пение вызывало тихий ужас – мужики украдкой крестились, бабы строили страшные гримасы и через некоторое время начинали подвывать. Даже намазы Усмана не создавали такого всеобщего страха.

Я узнал, почему мой вокал вызывает страх. Оказывается, монахи и священники, когда творят особо мощную волшебную, сопровождают свои действия пением священных гимнов или псалмов. Любая песня непонятного содержания здесь воспринимается как волшебство, а непонятное волшебство всегда страшит. Я представил себе, как подействовала бы на них абсолютно непонятная песня, и пожалел, что не знаю ни одного иностранного языка. Поделился этой мыслью с Усманом, тот начал петь *Smoke on the water*, и лучше бы он этого не делал. В общем, мой песенный репертуар ограничился «Сектором Газа».

На третий день снег настолько засыпал входную дверь, что она перестала открываться, и сортир переместился в подклеть. Никакой параша там предусмотрено не было, и запах в избе (в палате, как говорил Тимофей) стоял непереносимый. Когда снег перестал падать, я вышел на улицу, вдохнул полной грудью свежий воздух и подумал: «Это хорошо». Крест на груди отозвался смутной, еле уловимой мыслью: он согласился со мной.

До обеда мы развлекались тем, что очищали от снега проходы к сортиру и к соседним домам. В принципе, это не входило в обязанности почетных гостей, но возвращаться в провонявшую избу не хотелось, а стоять на улице без всякого дела глупо и холодно. В общем, первая половина дня прошла в трудах.

Вторую половину дня мы посвятили воинским упражнениям. Оказалось, что в рукопашном бою свежезавербованные бойцы уступают даже мне, не говоря уж об Усмани, и никто из них не умеет метать ножи. А вот в фехтовании нам обоим ничего не светило против наихудшего стрельца или копейщика. В стрельбе мы не упражнялись из-за ограниченности боеприпасов.

Стемнело, последовал обильный ужин по случаю установления хорошей погоды, сопровождавшийся обильным возлиянием, а завершился он замечательной оргией, в которой принял участие даже Усман. Раньше араб отказывался, говорил, что это не по шариату, но тут махнул рукой и невнятно пробормотал что-то вроде «какой тут, к шайтану, шариат». Вот так и слабеет вера под натиском соблазнов. Похлебку на свином сале он с первого дня ел, скоро, глядишь, и водку пить начнет. И какой же он тогда мусульманин?

15

Мы шли целый день. На лыжах можно было добраться за полдня, но нам пришлось вести в лес стрелецких лошадей – слишком хороших, чтобы принадлежать крестьянину. Большая часть пути проходила по болоту. Устин, сын Тимофея, назначенный нашим проводником, сообщил, что это болото опасно круглый год. Подозреваю, что к укрытию загадочного разбойника Аркадия ведет и другой путь, менее опасный, а может, и более короткий, но если таковой и есть, его держат в секрете. Мы шли тяжелой дорогой.

Кстати, Устин оказался вовсе не дебилом, а абсолютно нормальным мужиком. Просто лицо у него такое.

Лыжи застревали в невидимых под снегом корягах, лошади все время норовили провалиться в бездонную пучину, наполненную ледяной водой, стрелецкие пищали то и дело цеплялись за деревья. Мы совершенно выбились из сил, и когда я увидел тигра, то подумал, что от усталости начались глюки.

Тигр был большой и красивый – точь-в-точь как уссурийский тигр из сериала «Дикая природа Би-би-си». Он настороженно смотрел на нашу спотыкающуюся и матерящуюся процессию, и в его глазах не было злобы, а только любопытство. Я замер на месте как вкопанный, несколько раз сморгнул и убедился, что это не глюк. Откуда в Подмосковье уссурийский тигр? Здесь что, фауна другая?

– Кажися, пришли, – выдохнул Устин. – Привет, Шерхан! – обратился он к тигру. – Не узнаешь?

Шерхан узнал Устина, повернулся к нам задом и бесшумно скрылся среди деревьев. Удивительно, как столь огромный зверь при его-то яркой расцветке умеет так хорошо прятаться в черно-белом зимнем лесу.

– Это сторож Аркашкин, – пояснил Устин. – Вы, кстати, Аркашку в глаза называйте Аркадием Петровичем. Гневаются они.

Через полчаса, когда уже начало смеркаться, мы вышли на большую поляну, на которой размещалась самая настоящая деревня, ничуть не меньше Михайловки. Только если Михайловку на глаз можно отнести веку к семнадцатому, то эта как будто пришла из времен татаро-монгольского нашествия. Ее окружал частокол, над которым виднелись шапки часовых.

Мы подошли к воротам метров на пятьдесят, и в снег перед Усманом, шагавшим впереди, воткнулась стрела. Из двух бойниц, сделанных по обе стороны от ворот, высунулись дула пищалей, а над частоколом, чуть в стороне, нарисовалось нечто, похожее на миномет. Кулеврина, вспомнил я, так оно правильно называется.

– Кто такие? – донесся из-за стены немного шепелявый и совсем не властный голос. – С чем пожаловали?

– Это я, Аркадий Петрович! – крикнул наш проводник. – Устин Тимофеев из Михайловки.

– Сам вижу, что Устин, – согласился голос. – Ты кого это сюда привел?

Усман вышел вперед и сказал следующее:

– Я Усман ибн-Юсуф Абу Азиз эль-Аббаси. Со мной мой друг Сергей Иванов, семь стрельцов, вставших под мое начало, и Устин Тимофеев, который любезно вызвался проводить нас к вам.

– Басурманин? – заинтересовался голос.

– Да, мусульманин. Но это неважно, потому что мы с Сергеем явились сюда из другого мира, а об обстоятельствах этого события лучше говорить внутри, чем снаружи. Здесь холодно, скоро стемнеет, мы устали от долгой дороги и хотим отдохнуть.

– Нет уж, – повеселел голос, – говорить будем здесь. Значит, Тимоха начал в самотоплю коноплю добавлять? Из другого мира... Нет, ребята, вы лучше с этим не балуйтесь, ни к чему хорошему травка не приведет. Так откуда вы взялись?

– У Сергея амулет против магии, – сообщил Усман, – и еще у нас очень хорошее оружие. Если потребуется, мы возьмем вашу крепость штурмом, притом без особых проблем.

Голос расхохотался. Усман состроил свирепую гримасу и выстрелил вверх из подствольника. Рискованный выстрел – хорошо, что сейчас нет ветра и граната не упадет нам на головы.

Граната разорвалась внутри частокола. Двумя прыжками я рванулся к стене, прислонился к ней спиной, а потом быстро перебежал метров на пять в сторону – не хватало еще, чтобы мне на голову обрушили что-то тяжелое. Усман повторил мой маневр, он стоял рядом со мной, тяжело дыша, и я удивился его поведению – ведь ему лучше было бы занять симметричную позицию по другую сторону ворот.

– Твой амулет, – шепнул Усман одними губами, – я предпочитаю находиться под его защитой.

Стрельцы попадали в снег и проворно расползлись в стороны, стремясь побыстрее оказаться вне сектора обстрела пищалей, стволы которых торчали из бойниц и судорожно подергивались. Очевидно, защитники крепости пришли в замешательство, и я их понимаю.

Усман перезарядил подствольник.

Минуту-другую ничего не происходило, а потом снова раздался тот же голос. На этот раз он донесся сверху, со стены.

– И вправду амулет, – сообщил голос. – И оружие забавное. Но это не помешает залить вас смолой, когда будет нужно. А если отбежите от стен, попадете под обстрел.

– Следующая граната будет зажигательной, – пообещал Усман.

– Он блефовал, в нашем боекомплекте все гранаты осколочные, и осталось их девять штук на двоих. Нет, эта крепость нам не по зубам.

– У кого амулет? – спросил голос, – А, ну да, ты говорил, у друга... Значит, у тебя... Принеси клятву, и я прикажу открыть ворота.

– Какую клятву? – не понял я.

– Повторяй за мной. Клянусь Отцом, и Сыном, и Святым Духом, что не причиню никакого зла сему замку и его обитателям. А если нарушу сию клятву, пусть мой амулет утратит силу.

Замку? Он называет это замком? Ну-ну, каждый сходит с ума по-своему.

Я повторил клятву, и крест колыхнулся. Он как бы сообщил, что понял смысл произнесенного и что мне лучше не нарушать своего слова. Интересно... Получается, здесь надо выполнять обещания?

Пищали втянулись внутрь бойниц, миномет мелькнул над стеной и убрался куда-то вниз. Ворота со скрипом приоткрылись – ровно настолько, чтобы человек смог протиснуться внутрь.

Усман нырнул в щель, я последовал за ним, за мной просочились Иван и Устин.

Аркадий Петрович походил на Дениса Давыдова из старого, еще советского фильма. Коренастый бородатый мужичок, небольшого роста и неопределенного возраста – на первый взгляд совершенно неотличим от крестьянина. Но если приглядеться, обращали на себя внимание тонкие черты лица, тщательно скрываемые под густой растительностью, и еще глаза, в которых светился немужицкий разум. В руке Аркадия Петровича был кремневый пистолет, нацеленный в грудь Усману.

– Бросайте оружие, – приказал Аркадий Петрович. – И нечего дергаться, басурманин, не потребовал ответную клятву – сам виноват. И ты не дергайся, а то амулет рассыплется и не жить тебе.

Лишь на мгновение лесной князь отвел взгляд от Усмана, но этого оказалось достаточно. Неуловимое движение тела, удар ногой, выстрел, пистолет, кувыряясь, падает в снег, рука Усмана скользит за спину, и вот уже в горло разбойника упирается автоматический пистолет Стечкина. Усман не успел снять его с предохранителя, но Аркадий Петрович этого не знает.

– Принести клятву никогда не поздно, – проговорил Усман, тяжело переводя дыхание. – Повторяй за мной. Клянусь Отцом, и Сыном, и Святым Духом, что не причиню никакого зла сим путникам. А если нарушу сию клятву, пусть мое требование к ним утратит силу.

Аркадий Петрович растерянно хмыкнул и повторил клятву. Стальные объятия разжались, Аркадий Петрович отступил на пару шагов, потер шею и задумчиво проговорил:

– А ты силен драться, как там тебя...

– Усман.

– Аркадий. – Он протянул руку, и состоялось рукопожатие. Аркадий повернулся ко мне.

– Сергей, – представился я и пожал его руку. Иван рукопожатия не удостоился.

– Давай, Усман, командуй своим, пусть заходят, – сказал Аркадий. – Да пусть не боятся, никто их теперь не тронет. А мы пойдем в горницу, выпьем по рюмке чая, – он хихикнул, – поди, устали с дороги?

16

Изба тянула век примерно на девятнадцатый. Печка была с трубой и обложена изразцами с абстрактным узором. В углу кухни висел обычный деревенский умывальник с деревянным соском. Две комнаты были обставлены совершенно нормальной мебелью, на полу лежал совершенно нормальный ковер – явно недорогой, сильно вытертый, но все-таки.

Аркадий достал из совершенно нормального серванта (только без стекол) прозрачную бутылку литра на два и три стакана.

– Тишка! – крикнул он куда-то в пространство. – Притащи из погреба огурчиков да сала... хотя...

– Я ем сало, – сообщил Усман. – Запрет пророка на свинину носит не этический, а гигиенический характер. В жарком климате сало быстро портится, здесь его употребление ничем не грозит.

– Значит, вы не относитесь к ортодоксальным мусульманам? – спросил Аркадий.

– Нет, – ответил Усман, – я ваххабит.

– Как интересно! – воскликнул Аркадий. – Вы относитесь к суннитской ветви или шиитской?

– Ни то, ни другое.

– Неужели исмаилит?

– Нет, – Усман усмехнулся, – гашиш я не курю. Учение аль-Ваххаба... Послушайте, неужели вам и впрямь это интересно?

Аркадий засмеялся:

– Честно говоря, нет. Гораздо больше меня интересуют другие вопросы. Например, ваша кулеврина. Она почти не дает отдачи, как такое может быть?

– Я не инженер, – пожал плечами Усман.

– Жаль. А идея насыпать порох внутрь ядра очень даже хороша. Только почему ядро не взрывается в стволе?

– Я не знаю, я же не инженер.

– Очень жаль. Тогда я не буду спрашивать вас, зачем на вашей пищали закреплен такой странный рожок в нижней части. Хотя... позвольте, я сделаю предположение... Нет, тогда должен быть еще один рожок с порохом... Ладно, давайте не будем ждать Тишку и выпьем за знакомство... Простите, Усман, вам, наверное...

– Наливайте, – махнул рукой Усман. – Пророк позволяет употребление запретного в лечебных целях. Я довольно сильно замерз.

– Значит, вы скорее суннит, чем шиит.

– Да, – согласился Усман, – я скорее суннит, чем шиит. Мы выпили, после чего Усман решительно отставил стакан в сторону.

– Больше – грех, – заявил он.

Тощий мальчонка лет четырнадцати притащил кадку с солеными огурцами, нехилый шматок сала, и мы закусили. Через соседнюю комнату прошмыгнула какая-то женщина, на кухне загремели кастрюли, и вскоре оттуда потянуло запахом чего-то съестного и довольно вкусного. Я ощутил, как водка (неплохая водка, кстати!) начала помаленьку разогревать внутренности. Оказывается, я здорово продрог.

– Хорошо вы здесь устроились, – проговорил Усман, задумчиво осматривая интерьер. – И не скажешь, что все это в лесу.

– Вся Россия в лесу, – ответил Аркадий. – Почему мой дом должен быть беднее, чем подворье какого-нибудь князя в Москве? Я ведь тоже в некотором роде князь.

– Лесной, – хихикнул я. Водка начинала действовать.

– Да, лесной князь, – согласился Аркадий, – так меня и называют мои разбойники. Впрочем, какие это разбойники... Мы ведь почти не грабим, только изредка, когда какой-нибудь отморозок пытается провезти товар без пошлины и без должной охраны. Я беру недорого – дешевле заплатить мне за спокойствие, чем монаху за сопровождение.

– А дорожная стража? – поинтересовался я.

– А что дорожная стража? Они в доле, я им плачу пятую часть, и все довольны. На одно жалованье не больно-то и проживешь.

– Рэкет, – констатировал я и хихикнул.

– Чего? – не понял Аркадий.

– Так называется ваш бизнес в нашем мире, – пояснил Усман.

– Бизнес?

– Ну, род занятий.

– А, понятно. Кстати, вы не расскажете про свой мир?

– Давай, Сергей, – сказал Усман, – у тебя лучше получится. И я начал рассказывать.

17

В доме Аркадия нашлись книги по истории, которые сильно облегчили исследование - проблемы. Вопрос, собственно, был прост: как случилось, что развитие наших миров пошло разными путями? Ответ тоже был прост.

В начале тринадцатого века, через несколько лет после походов Чингисхана, один китайский философ открыл слово.

На самом деле это не совсем слово – его только принято так называть. В нашем мире слово это называют заклинанием, а в широком смысле – магией.

Слово может почти все: из ничего сотворить тигра, который будет бродить в окрестных лесах и охранять поселение от непрошенных посетителей, или дракона, который будет летать по окрестностям, нападать на коров и всячески бесчинствовать, или остановит сердце живого врага и запустит сердце мертвого друга. Можно умереть, дав самому себе приказ воскреснуть через три дня. Христос знал слово, и Мухаммед знал слово, и Сиддхартха Гаутама знал слово. Раньше слово было уделом избранных – тех, кому Всевышний доверил малую частичку своих знаний и своей мощи. Редко кто получал слово, и никто, владеющий словом, не мог передать его своим ближним.

Все изменилось, когда неизвестный китаец открыл иероглиф. Обычный иероглиф – Аркадий нарисовал его – ничего особенного: закорючка как закорючка. Но он обладает уникальным свойством, отличающим его от всех других начертанных знаков. Человек, достигший определенного уровня просветления, правильно посмотрев на эту закорючку, получает что-то совершенно невероятное, что-то не от мира сего, какую-то силу, которая позволяет ему делать то, что раньше могли только пророки. Предотвратить землетрясение, остановить мор шелко-вичных гусениц, утопить вражеский флот, превратить императора из клинического идиота в толкового, умного человека... Много чего позволяет этот иероглиф.

Лет примерно сто иероглиф божественной благодати оставался самой большой тайной Поднебесной империи. Но тайны такого масштаба никогда нельзя сохранить навсегда, и уже в четырнадцатом веке арабские мудрецы пытались постичь силу пророка, часами вглядываясь в невнятную закорючку. Это не удалось никому, зато один просвещенный правитель по имени Улугбек обнаружил, что божественной благодатью обладает слово «Аллах», написанное арабскими буквами. Все зависит от веры, предположил Улугбек, дело не в том, на что ты смотришь, дело в том, веришь ли ты в то, на что смотришь.

Улугбек стал пророком, но все его откровения были связаны с путями небесных светил – он почти не интересовался земной жизнью, полагая, что не следует без большой нужды вмешиваться в промысел Аллаха. Жанна д'Арк так не считала.

Точно неизвестно, где и как неграмотная девственница из Домреми получила посвящение. Вряд ли она могла правильно прочесть слово «Аллах», тем более невероятно, что ей удалось взглянуть на соответствующий иероглиф. Возможно, она была первой, кто понял, что слово может дать простой христианский крест, а может, это и вправду было сатанинское искушение. Как бы то ни было, Жанна д'Арк получила слово и воспользовалась им наилучшим образом.

Слово Жанны отличала невероятная сила. В бою вокруг нее вихрился охранный ветер, отклоняющий стрелы и даже камни, выпущенные из катапульт и требучетов. Самый могучий рыцарь, сошедшийся с ней врукопашную, внезапно терял все умения, отточенные годами тренировок, и не мог отбить ни одного удара. Если бы Жанна захотела, она смогла бы перерезать объединенную англо-бургундскую армию, как мясник режет баранов на бойне, но, что бы о ней ни говорили, она не любила проливать кровь зазря. Английский король стоял перед Жанной на коленях, и не знающий промаха меч крестьянки легонько касался его горла. Король принес клятву, и английская армия покинула пределы Франции. Рыцари Жанны вошли в Бургундию и предали ее огню и мечу, а Жанна получила новый титул – Кровавая. Кто знает, как сложилась бы дальнейшая история Европы, если бы сила Жанны не исчезла в тот момент, когда дофин лишил ее девственности. Жанну обвинили в колдовстве и предали инквизиции. Большинство историков сходится в том, что это был наилучший выход из всех возможных.

Слово рождается верой. Если твоя вера с гору, ты сдвинешь гору, но редко кто может сдвинуть верой даже горчичное зерно. Трудно получить слово, особенно трудно получить силь-

ное слово, способное не только помочь найти потерявшуюся иголку, но и позволяющее тебе сделать что-то серьезное, что-то такое, что не под силу тому, кому слово неведомо...

В этот момент нас прервали. Тишка вбежал в горницу, сверкая выпученными глазами, и сообщил, что к замку приближаются двадцать монахов.

18

Мы стояли плечом к плечу – я, Усман и Аркадий. Мы надеялись только на то, что мой амулет способен выдержать удар двадцати одновременно произнесенных святых слов. Если это не так, бой не имеет смысла – никакое оружие не может противостоять святому слову. Я не знал, защищает ли крест только меня или он имеет какой-то радиус действия, но на всякий случай Усман прижался к моему правому боку, а Аркадий – к левому. Усман держал наготове автомат, Аркадий – массивный золотой крест.

– А что, – спросил я, – золотой крест лучше, чем серебряный?

– При прочих равных – да, – ответил Аркадий. – Для истинно верующего красота и богатство амулета не имеют значения, и в руках святого подвижника перекрещенные палки разят не хуже Креста Ивана Великого. Только среди нас нет святых подвижников.

– Что-нибудь чувствуешь? – спросил Усман.

– Ничего, – ответил Аркадий.

– Не пойму, – ответил я, – то ли что-то есть, то ли мерещится.

Усман тихо замурлыкал свое, арабское: «Лонбоц хевбин сайтед ивиденс овво хесби-ган...» Аркадий вздрогнул, и Усман заткнулся.

Миномет, который правильно называется не кулеврина, а мортира, стоял в полной готовности в десяти шагах от нас. На наскоро разложенном костерке накалялся железный прут, которым бородастый пушкарь в штопаной дубленке зажжет порох, когда будет нужно. У амбразур застыли стрельцы с пищалями. (Оказывается, под словом «стрелец» здесь подразумевают не служилого военного человека, а просто «стрелка», а «стрелок» здесь – тот, кто делает стрелы.) Среди дубленок и зипунов выделялись камуфляжные кафтаны наших стрельцов. Сейчас две группы воинов готовы плечом к плечу сражаться против общего врага. Если враг даст нам шанс.

На краю леса показался человек, он приближался неторопливым шагом, и скоро через амбразуру стало видно, что это огромный лохматый амбал в серой монашеской рясе. Остановившись метров за сто, амбал разинул пасть и крикнул зычным басом:

– Аркашка!

Аркадий прошипел что-то неразборчивое, но явно нецензурное. Амбал не унимался:

– Аркашка! Выходи, подлый трус!

Аркадий решительно шагнул вперед и полез на частокол.

– Что надо? – крикнул он.

– Пускай твои люди открывают ворота, выходят и строятся здесь, сложив оружие. Тогда им сохранят жизнь. Слово митрополита.

Бородастый пушкарь, переворачивавший в костре раскаленный прут, вздрогнул и уронил его, а потом украдкой перекрестился. Видать, слово митрополита – это по местным меркам круто.

Аркадий слез с частокола и вернулся к нам. На него жалко было смотреть.

– Это конец, – прошептал он. – Слово митрополита... Усман смачно сплюнул в снег и сделал два шага вперед.

– Я вашего митрополита... – пробормотал он, поднял автомат так, чтобы снаружи не было видно ствола, и дернул предохранитель. Предохранитель дважды щелкнул. Усман тщательно прицелился и сделал одиночный выстрел, именно одиночный, а не парный.

Во лбу монаха расцвел алый цветок, и монах рухнул наземь как подкошенный. Крест у меня на груди задергался, я прыгнул вперед, чтобы Усман не выпал из области действия амулета. Аркадий повторил мой прыжок. Крест успокаивающе замерцал, и я понял, что мне нет необходимости быть рядом с теми, кого я хочу защитить. Крест прикроет всех. «Расстояние не играет роли, играет роль вникновение», – прошептал крест.

В воздухе запахло гарью. Я растерянно огляделся по сторонам, но не заметил ничего горящего.

– Стены поджигают, – выдохнул Аркадий, – сволочи. Он сделал шаг в сторону, поднял крест и покрутился на месте, изображая радар.

– Не пойму, – простонал он, – они везде.

Я попытался обратиться к кресту, я попросил его сообщить, где враги, но крест проигнорировал мои попытки.

Поверх частокола появились первые языки пламени. Мокрое заснеженное дерево горело так, как будто его долго сушили, а потом положили в печку с трубой и поддувалом. Явное колдовство.

Уже горела вся стена, и в амбразуры ничего не было видно. Частокол излучал такой жар, что поневоле пришлось отступить.

Бойцы молились. Кто-то стоял на коленях, кто-то предпочитал совершать последнюю прижизненную беседу с Всевышним стоя, подняв лицо к небу. Со стороны внутренних построек доносился женский плач, к которому примешивался детский. Врагу не сдастся наш крейсер «Варяг»... блин!

Ворота рухнули. Еще несколько минут, и рухнет стена, и тогда мы будем как на ладони перед невидимым врагом. Аркадий засуетился, он начал кричать на солдат, и они один за другим отвлекались от прощания с жизнью и начинали отступать к домам и амбарам. Пушкарь плюнул в костер и потащил мортиру куда-то назад.

– Надо отходить к домам, – сказал Аркадий, обращаясь к Усману, – сейчас рухнет стена.

– Зачем отходить? – спросил Усман. – Чтобы изжариться внутри?

– Они не смогут сжечь все! – воскликнул Аркадий. – То есть если их и вправду двадцать, то смогут... Но выхода все равно нет! Не сдаваться же!

– Сергей, – обратился ко мне Усман, – каков радиус действия у твоего амулета?

– Дело не в расстоянии. Он прикрывает нас троих, это как минимум...

– Понятно, – сказал Усман, – пошли.

Он разбежался и прыгнул в огонь. Я последовал за ним.

Помчался сквозь пламя, которое оказалось не таким уж страшным и совсем меня не обожгло, и вылетел на заснеженную поляну. В двух шагах валялся труп монаха с дырой во лбу, рядом стоял Усман, настороженно водивший стволом из стороны в сторону.

– Где они? – воскликнул он. – Ты их чувствуешь?

Я никого не чувствовал. Попытался обратиться к кресту, но он не ответил.

– Не... – начал я и рухнул на спину.

Потому что в мою грудь ударила пуля.

Хорошо, что сейчас не лето. Будь сейчас лето, я надел бы бронежилет поверх остальной одежды, и неизвестный стрелок, то есть стрелец, стал бы целиться в голову, а не в грудь. Хотя кто его знает, может, он и целился в голову. Трудно метко стрелять из гладкоствольного ружья.

Над ухом гулко гавкнул подствольник, и через две секунды лесную глушь огласил взрыв осколочной гранаты. Я поднял голову. Два-три неясных силуэта промелькнули между деревьями метрах в ста впереди, я полоснул короткой очередью, и в воздух полетели хлопья снега и куски обломанных веток. А потом из леса донесся нестройный залп.

Над моим ухом просвистела пуля – именно просвистела, а не вжикнула. Оказывается, пули, выпущенные из пищалей, не вжикают, а мелодично свистят. Я рухнул на землю, так и не успев встать.

Повернул голову и увидел Усмана. Головы у него, можно сказать, не было. Крупнокалиберная пуля, попав в лицо, мало что оставляет от черепа – даже при низкой начальной скорости. Я громко выругался.

По-хорошему, сейчас надо отходить под защиту горячей стены, пока не последовал второй залп, хотя... Сколько времени нужно, чтобы перезарядить пищаль? Я рванулся вперед со всех ног.

Интересно, откуда они стреляли? Кажется, вот отсюда – над ельником вьется легкий сероватый дымок. Хорошо, что бездымный порох здесь еще не изобретен. Как же до них добраться?.. Пожалуй, без пулемета их оттуда не выкурить. Пуля со смещенным центром тяжести – вещь хорошая, но густое сплетение ветвей отклоняет ее от курса почти так же надежно, как и броня, дай бог, чтобы одна пуля из рожка нашла свою цель. Нет, это не подходит. А если... Выстрел будет трудным, но попробовать можно.

Я остановился, перевел дыхание и тщательно прицелился. Выстрел из подствольника, и снова вперед со всех ног. Могучая столетняя береза гулко вздрогнула всем стволом, и с ее ветвей обрушилась целая лавина снега. Граната попала в ствол, сейчас посмотрим, куда она отлетела. Ага, отлетела куда надо, вот она взорвалась, и еловые ветки в одно мгновение стали из белых зелеными, лишившись нависшего на них снега. Короткая очередь вдогон – не на поражение, а чтобы напугать, чтобы вжались в снег и не стреляли.

Я начал петлять. В голове крутились обрывки фраз из какой-то научно-популярной книги. Раструб на стволе мушкета делался для ускорения процедуры заряжания. Мушкетеры вооружались шпагами, которые использовались для самообороны, когда за время между залпами противник успевал подойти вплотную. В таких случаях первая шеренга обнажала шпаги, вторая спешно перезаряжалась, потом первая шеренга по команде падала наземь, а вторая давала залп, который сметал все живое, потому что мушкет – это не только ружье, но и дробовик. Интересно, пищаль может стрелять дробью? Надеюсь, что нет. И раструбов на пищалях стрельцов я тоже не видел.

Ветви сомкнулись над моей головой. Я все еще жив, а это значит, что у меня появился шанс, пусть крохотный, но все-таки шанс. Только бы у них не было пистолетов! Если у них есть пистолеты, я труп. Черт бы побрал этот снег! На нем от камуфляжа нет никакого толку, и если стрельцы в маскхалатах...

Я увидел труп и понял, что стрельцы не в маскхалатах. Неплохо. А вот и следы... Нет, эти следы ведут в другую сторону. Они что, уже обратились в бегство? А вот и другие следы... Ну-ка, посмотрим...

Дальнейшее я плохо помню. Задыхаясь от недостатка воздуха, я носился по лесу, утопая в снегу, я стрелял из автомата и из подствольника, потом гранаты для подствольника кончились, и настал черед ручных гранат. Потом кончились патроны в автомате, я отбросил его в сторону и вытащил пистолет, но он не понадобился, потому что все было уже кончено.

Не помню, как я вернулся к частоколу, который успел прогореть до основания, и вся деревня теперь была беззащитна перед любым захватчиком. Разбойники смотрели на меня округлившимися глазами, некоторые крестились. Аркадий отправил бойцов осматривать окрестности, считать убитых, собирать раненых и трофеи. Я заметил перед собой стакан водки, который поднес кто-то из разбойников... Тишка... и немедленно выпил. Стало чуть-чуть лучше. А потом меня начало колбасить – так часто бывает после боя, а после такого боя давно.

Аркадий нервно курил... сигару... лучше, чем ничего. Я обратился к нему хриплым голосом и немедленно получил требуемое. Сигара оказалась дерьмовая, я сразу закашлялся и долго

не мог успокоиться. Водка попросилась назад, я выполнил ее просьбу, и сознание прояснилось окончательно.

Я уничтожил двенадцать стрелцов. Двое из них еще живы, но характер ранений не оставлял сомнений в летальном исходе. Аркадий предложил раненым исповедаться, получил отказ и сделал короткий жест, оборвавший обе жизни. Нет, он лично не перерезал глотки раненым – это сделали другие разбойники.

Усман мертв. Я подошел к нему, постоял над телом, склонив голову, хотел сказать какие-то умные слова, но ничего умного в голову не приходило. Это не важно, ведь если душа Усмана где-то рядом, она поймет не только то, что я говорю, но и то, что я думаю. А думаю я, что Усман был совсем не плохим человеком, несмотря на то что ваххабит, что сражался против меня в Чечне. Я взял бы его в разведку без всякого сомнения.

Я опустил на колени и начал снимать с Усмана амуницию.

– Отдохни, – сказал Аркадий, неслышно подошедший сзади, – сегодня ты уже достаточно потрудился. Все сделают мои люди. Не бойся, они ничего не украдут, на это теперь никто не осмелится.

– Что, страшно стало? – спросил я хриплым голосом.

– Страшно, – легко согласился Аркадий. – Даже если не учитывать то, что на тебя не действует магия, твое оружие потрясающе эффективно. Когда на поле боя нет священников, ты стоишь по меньшей мере десятка стрелцов. Десятерым таким, как ты, никто не сможет противостоять, кроме священников. Слушай, Сергей... Как хоронить твоего друга?

Я напрягся и стал вспоминать, как надлежит хоронить мусульман.

– Без гроба, в одном саване. Похоронить сегодня, до заката. К могиле труп надо нести на руках, это должен делать самый близкий человек, то есть я. Над могилой читается стих из Корана... Не получится – я ни одного не знаю. На памятнике вместо креста полумесяц рогами вверх. И еще, памятник нельзя подновлять после установки, потому что с этого момента над ним властен только Аллах.

– Памятника у него не будет, – заявил Аркадий, – не успеем поставить. Нам придется покинуть это место.

– Прямо сейчас?

– Нет, сегодня уже не успеем. Тебе надо отдохнуть, а бойцам собрать вещи. Собрать придется много, потому что мы уходим навсегда.

– Почему?

– Потому что дней через пять здесь будет сто монахов и двести егерей. А если мы дрались со спецназом митрополита, то они будут здесь через три дня.

– Почему?

– Потому что в спецназе митрополита в каждом отряде есть связист.

– Связист?

– Особое слово – оно позволяет разговаривать на расстоянии. Его трудно получить, говорят, по всей России не больше двух сотен связистов. Если среди монахов есть связист, митрополит уже знает обо всем, что случилось. Нет нужды слать гонца.

– Понятно... Слушай, Аркадий, а ведь нам не обязательно запирается в крепости и держать осаду. Знаешь, что такое партизанская война?

– Знаю. Не пойдет. Митрополит не дурак. В следующем отряде будут егеря, а любой из них снимет тебя с одного выстрела.

– Егеря – это кто, снайперы? Я имею в виду, меткие стрелки?..

– Стреляя с руки без упора, егерь попадает в глаз бегущему кабану с пятидесяти шагов.

– Понятно... Да, с такими ребятами мне одному не справиться. А сколько у тебя здесь разбойников?

– Какие же это разбойники?

- Ну, бойцов.
- Если считать только мужей, носящих оружие, то пятьдесят пять. С твоим отрядом – шестьдесят четыре. А что?
- Так, размышляю... Нет, оборону не удержать, даже по-партизански. А если еще одного тигра создать?
- Думаешь, это так просто? Ты когда-нибудь пробовал колдовать? Шерхан, кстати, наверняка уже убит.
- У нас в мире колдовство не действует.
- Значит, не пробовал. Нет, Сергей, тигра мне сейчас не создать. Надо готовиться по меньшей мере две недели, а потом слово теряет силу на пару месяцев. У нас нет времени.
- Да уж. А куда уходить будем?
- Даже не знаю... На нас откроется такая охота... Может, тебе лучше сдаться? Только не в разбойный приказ, а самому митрополиту.
- Думаешь, это имеет смысл?
- Попробовать можно. Филарет пока в вероломстве не замечен, с ним можно договориться. Только как?
- Пробраться в Москву...
- Как? Дорожная стража...
- С двумя автоматами мы прорвемся через любой блокпост.
- Блокпост? Оригинальное выражение. Блокпост. Да, это красивее звучит, чем кордон. А что, можно попробовать. Только что будет с моими людьми?
- Пусть прячутся в лесах, вряд ли их переловят уже завтра.
- Завтра нет, а через неделю... Эх, лучше было бы попробовать договориться с этими монахами! Твой крест ничего не чувствует?
- Сейчас посмотрю... Нет, ничего.
- Я тоже ничего не чувствую, видать, далеко убежали. Нет, переговоры не получатся – они слишком напуганы. Да, придется ехать в Москву, другого пути не вижу. Иван, по-твоему, муж достойный?
- Я знаю его только пять дней. Пока ничего дурного не сделал.
- Я знаю его два года. По-моему, достойный муж.
- Тогда зачем спрашиваешь? – Так, уточнить. Значит, ватагу оставляем на Ивана и прорываемся в Москву. Выступаем завтра на рассвете. Надо спешить, а то как бы снова снег не повалил...
- Повалит – твои люди уйдут от погони. Следы-то исчезнут.
- Если только митрополит на оборотней не расщедрится. Оборотни и через неделю запах человеческий учуют. Под аршином снега. Да не кручинься ты! Чему быть, того не миновать, положимся на волю божью. Ты это... Может, какое оружие нашим оставишь?
- Оружие, говоришь... Два автомата – нам, к подствольникам только три гранаты осталось, пистолеты тоже пригодятся, хотя «стечкин»...
- Какой еще Стечкин?
- У Усмана был пистолет системы Стечкина, очень хороший, но трудный в обращении – тяжелый и отдача сильная. Нет, он достанется тебе. Вряд ли ты сможешь попасть из него в цель, но хотя бы напугаешь противника. Что еще у нас осталось? Четыре ручные гранаты... Одну можно оставить... Нет, никакой пользы от нее не будет – только врага раздразит. К тому же кидать ее нужно умеючи, а то сам себя осколками и посечешь.
- Понятно... Ладно, пусть молятся. Значит, что мне достается? Автомат и «стечкин»?
- Да.
- Научишь меня обращаться с этим добром?
- Постараюсь. Только патроны тратить нельзя, их слишком мало.

- Патроны?
  - Ну да, патроны. Порох и пуля в одном флаконе.
  - Флаконе? А, понял! Этот рожок на автомате...
  - Да, в нем патроны. Там внизу пружина, она подает патроны в ствол по одному.
  - Гениально! Ты быстро нажимаешь на спусковой крючок, и они по одному выстреливаются... А как курок взводится?
  - Автоматически – сверху на стволе специальная трубка с поршнем, в нее отводится часть пороховых газов. И нет нужды быстро нажимать на спусковой крючок, просто давишь его и не отпускаешь.
  - Здорово придумано! У вас все пищали такие?
  - Не все. Есть еще карабины для охоты, снайперские винтовки – для егерей, если по-вашему, пулеметы еще есть – это вроде автомата, только больше и тяжелее, чтобы стрелять с упора.
  - Ты умеешь делать оружие?
  - Я солдат, а не оружейник.
  - Ничего, покажем автомат московским мастерам, они разберутся.
  - Не думаю, что у вас умеют варить сталь надлежащего качества.
  - Да? А если... Нет, ствол разорвет. Ничего, мастера все равно что-нибудь придумают.
- В ремесленных делах самое главное – понять идею, когда знаешь, что что-то в принципе возможно, все остальное – вопрос времени. Пусть оружейники не смогут сделать такой же хороший автомат, но какой-то они сделают точно, а для нас даже какой-то автомат гораздо лучше, чем обычная пищаль.
- А откуда они возьмут бездымный порох?
  - Возьмут обычный.
  - Он слабее.
  - Положат больше.
  - А капсуль?
  - Это еще что такое?
  - Кристаллик на дне гильзы с порохом. Дает искру при прокалывании.
  - Мастера на то и мастера, чтобы что-нибудь придумать. Нет, ну не идиотство ли – у тебя в руках оружие, способное изменить судьбу мира, а мы спасаем собственные шкуры только из-за того, что у судейских дьяков не хватает мозгов понять, с чем они столкнулись. Непонятное проще всего истреблять – так почти всегда и происходит, только ничего хорошего из этого обычно не получается.
  - Кончай философию. Пойдем перекусим, а потом я хотел бы дочитать, что случилось в вашем мире после Жанны д'Арк.

19

Сергий Радонежский не просто благословил объединенное войско всея Руси, но и отправился вместе с ним в заокские степи, и на Куликовом поле не нашлось силы, способной противостоять мощнейшему боевому магу со времен пророка Мухаммеда. Вначале удача сопутствовала Мамаю. Хорватские наемники, построившись «свиньей», прорвали русский строй на левом фланге и открыли дорогу татарской коннице, которая вышла в тыл русской фаланге и, двигаясь вдоль берега Дона, уже завершала окружение. Но резерв, скрытый в безымянной дубовой роще, стал для татар смертельным сюрпризом. Святой Сергий поднял из могил всех русских воинов, убитых татарами за последние сто лет в радиусе примерно пятидесяти верст, и полутора тысяч зомби оказалось достаточно, чтобы обратить суеверных татар в паническое

бегство. А потом в дело вступил резервный полк воеводы Боброка, и отступающая армия татар превратилась в неуправляемую толпу. К вечеру все было кончено.

Двумя годами спустя Сергей повторил тот же трюк под стенами Москвы, и хан Тохтамыш признал независимость Московского княжества. А потом был совместный русско-татарский поход на Киев, а еще через несколько лет Сергей поднимал зомби для Тохтамыша, когда ужасный Тамерлан вторгся в приволжские степи. Через сто лет Русь и Орда объединились по личной унии.

Открытие Америки произошло точно в срок. Через сколько-то лет Кортес высадился в Мексике, его пушки и монахи быстро положили конец империи Монтекумы. Еще через сколько-то лет его подвиг повторил Писарро, а потом Европу захлестнула инфляция, и ученые мужи с удивлением обнаружили, что халявное золото из колоний приносит не только пользу, но и вред.

Первый царь всея Руси Иван Святой имел сильнейшее слово. Он лично шел впереди войска на штурм Полоцкой крепости, и стены рушились под его взглядом. Ливонский орден был разгромлен за одно лето, а на следующее лето Польша и Швеция прислали гонцов просить мира. Интересно, что в этом мире опричнины не было, Иван Святой не нуждался в репрессиях, чтобы установить непререкаемую власть. И никто не называл его Грозным.

После смерти Ивана имела место большая смута, но она так и не переросла в анархию, хотя династия Рюриковичей все-таки пресеклась.

Тем временем в Европе божий человек по имени Ян Гус, получив слово, нарушил клятву священника, но почему-то кара Божья его не настигла, и, что еще более странно, слово Гуса не утратило силу после клятвopеступления. Гус считал, что слово дано Богом не избранным, а каждому, и он давал слово любому, способному его уразуметь. В Европе начал разгораться огонь мировой войны.

Чехия вышла из состава Священной Римской империи. Одноглазый маршал Ян Жижка выходил перед войском, воздевал руки в молитвенном жесте, и воздух перед ним формировал ползучий огненный щит, сметающий вражеское воинство, как исполинская коса. Войско гуситов приближалось к Мюнхену, и, казалось, не было силы, способной им противостоять.

Но такая сила нашлась. Спешно организованный орден Иисуса объединил в себе фанатичных монахов, готовых на все ради того, чтобы истинная католическая вера восторжествовала в мире. Каждый иезуит имел слово, а во главе ордена стояли мощнейшие маги цивилизованной Европы Игнатий Лойола и Леонардо да Винчи. Последний вошел в историю как человек, впервые сумевший вложить часть своей силы в неодушевленный предмет: боевые амулеты, сотворенные Леонардо, наводили ужас на современников. Самым страшным из них оказалась загадочная «Мона Лиза», про которую достоверно известно лишь то, что с ее помощью были убиты

Ян Жижка и Томас Мюнцер. Говорят, что безнаказанно смотреть на «Мону Лизу» мог только тот, кто заранее удостоился особого благословения, являющегося противоядием к злым чарам, наполняющим амулет, а все остальные, узрев «Мону Лизу», уходили неизвестно куда и никогда не возвращались. Ян Жижка, например, покинул бранный мир, выйдя из своего походного шатра с лопухом в руке. Часовые видели, как он скрылся в лесу, больше он не появлялся нигде. Воины прочесывали лес всю ночь, но не нашли никаких следов полководца.

Монахи-иезуиты наводили ужас на Европу более ста лет – их методы в моем мире называли бы террористическими. Тем не менее пожар войны был потушен, уцелевшие протестанты нашли приют при дворе шведского короля, но они больше не горели желанием оделить святым словом каждого нищего. Некто Мартин Лютер стал первосвященником всей Скандинавии, гордые викинги перестали платить папскую десятину, и это было все, чего Реформация сумела добиться.

Божье слово пошло России на пользу. Ни Стенька Разин, ни Емелька Пугачев не вошли в историю. Реформы патриарха Никона вызвали раскол, но спецназ митрополита быстро расправился со староверами. Боевые роты, организованные Иваном Святым при каждом монастыре, стали грозной силой, которой мог противостоять только спецназ Папы Римского да шахида пророка.

К концу восемнадцатого века в состав России вошли Белоруссия, Украина, Молдавия, Восточная Пруссия, Финляндия и большая часть Польши. В 1795 году совместный поход французского маршала Наполеона Бонапарта и русского архивоеводы Александра Суворова положил конец владычеству ереси на севере Европы. Шведское королевство вошло в состав Российской империи на правах вассала, Норвегия и Дания попали под протекторат Папы Римского, позже там возникли независимые королевства. Последним оплотом протестантизма в Европе оставалась Исландия, но она была слишком далеко, чтобы кто-то серьезно относился к царящей там ереси.

Едва протестантизм был разгромлен, на поле брани сошлись другие антагонисты. В 1803 году началась Вторая мировая война, которая длилась всего два года, но успела унести три миллиона жизней, а по некоторым данным – четыре. Только в Йенской бойне с обеих сторон полегло около миллиона солдат и офицеров. На плоту посреди Немана был заключен почетный мир, война закончилась вничью, выяснилось, что все было зря.

Промышленная революция не состоялась. Не было ни диктатуры Кромвеля, ни Великой французской революции, ни волны восстаний 1848 года. Как ни странно, Маркс и Энгельс отметились и в этом мире: опубликовали «Манифест царства божьего», после чего исчезли при загадочных обстоятельствах, заставляющих предположить, что без иезуитов здесь не обошлось.

В середине девятнадцатого века католики и мусульмане, объединившись на короткое время, атаковали православный мир, но не добились никаких успехов. Русский патриархат перешел в контрнаступление, был объявлен крестовый поход против нечестивых, и к 1900 году Российская империя контролировала Румынию, Болгарию, Закавказье, Иран, Монголию и Маньчжурию. Западный мир был слишком занят распространением своего влияния на Азию и Африку, мусульмане никак не могли объединиться вокруг общего лидера, новые центры цивилизации в Североамериканских Соединенных Штатах и Японии еще не успели сформироваться, и Россия стала сильнейшей мировой державой.

Двадцатый век принес проблемы. На Дальнем Востоке сформировалась японская держава, которая откусила от Российской империи недавно завоеванную Маньчжурию. А потом объединенное европейское войско двинулось на восток, и началась Третья мировая война.

Этого уже не было в книгах, это уже новейшая история, и Аркадий не мог сказать ничего дельного по поводу последних событий. В этом мире нет ни газет, ни каких-либо других средств массовой информации – они просто не нужны, когда грамоте обучены только два человека из ста. По косвенным данным, на западных рубежах империи идет вялая позиционная война, а кто побеждает и кто проигрывает, – простому человеку не понять.

Глава вторая ДОРОГА К ХРАМУ

1

С погодой творится что-то ненормальное, за ночь температура повысилась градусов до пяти выше нуля и продолжает расти. Аркадий говорит, что такое бывает после массивированного применения боевого волшебства.

Снег тает, и лес на глазах превращается в непролазную хлябь. К полудню болото станет абсолютно непроходимым, а это значит, что у разбойников Аркадия появился крохотный шанс оторваться от погони. Как я и предполагал, к тайной базе Аркадия ведет и другой путь, но этот путь неизвестен даже в Михайловке. Только те разбойники, что отваживаются принести смертную клятву, знают, как можно быстро выбраться в большой мир из маленького лесного княжества.

Иван принес целых две смертных клятвы: одну – что никому не расскажет о коротком пути, а вторую – что будет, не щадя живота своего, заботиться о порученной ему ватаге. Потом он получил одну ручную гранату (на всякий случай), и мы все отправились в путь.

Примерно через час наши дороги разошлись. Аркадий благословил своих разбойников, я благословил Ивана и его стрелцов. Караван углубился в чащобу, а мы с Аркадием отправились по тайным тропинкам вокруг болота.

Я сильно удивился, когда Иван попросил благословения, на мой язык напрашивалась нецензурщина, но Аркадий толкнул меня в бок и шепнул, что здесь так принято. Я произнес глупые и бессмысленные слова. Вдруг крест на груди толкнул меня, и я понял, что эти слова не столь уж глупы и бессмысленны.

Оказывается, верховая езда – не такое трудное дело, как представлялось мне раньше. Я поделился этой мыслью с Аркадием, но он сказал, чтобы я не обольщался: уже к вечеру бедра будут болеть, а завтра моя походка будет такой, как будто меня изнасиловали самым извращенным образом.

– Когда выберемся на тракт и перейдем на рысь, – добавил Аркадий, – мало тебе не покажется. Не волнуйся, через неделю ты возомнишь, что уже настоящий всадник, но лишь через полгода ты действительно станешь им.

Я поменялся одеждой с Устином, поскольку габаритами мы примерно одинаковы. Сейчас одет как крестьянин: латаная дубленка, вытертая меховая шапка, домотканые холщовые штаны, кирзовые сапоги с портянками, овчинные рукавицы заткнуты за широкий кожаный ремень – сейчас слишком тепло, чтобы надевать их на руки. Я хотел снять и шапку, но Аркадий решительно воспротивился. Он сказал, что здесь это не принято, что без шапки ходят только совсем нищие бродяги и что лучше ходить босиком, чем без шапки.

– А что вы носите летом? – поинтересовался я.

– Картузы, – лаконично ответил Аркадий.

В общем, я оставил попытки раздеться и мрачно прел в застегнутой дубленке, которая ни разу не подвергалась химчистке за время своего существования. Расстегивать ее нельзя, потому что тогда станет виден бронежилет, который на местном диалекте называется «кираса». Пистолет подвязан особой петлей к поле дубленки изнутри, автомат приторочен к седлу и замаскирован сверху куском рогожи. Плохая маскировка – со ста метров видно, что под рогожей скрыто оружие, но лучше все равно ничего не придумаешь.

Неплохо бы нам было одеться как стрельцы или купеческие приказчики, да у Аркадия не нашлось одежды, которая подошла бы мне по размеру. Я всегда считал, что мой рост совсем немного выше среднего, но в этом мире я выгляжу настоящим великаном. Об акселерации здесь и не слыхивали.

Самое противное в моем нынешнем положении то, что Устин, похоже, мылся не чаще раза в месяц. Вся его одежда провоняла крепким крестьянским потом. Кстати, оказывается, лошадиный пот пахнет почти так же, как и человеческий, и стоит на мгновение прикрыть глаза, сразу же в голову приходит непрощеная мысль: «Где-то здесь прячется божж».

За час до полудня мы очутились в Михайловке. На первый взгляд в деревне все было нормально, но чем ближе мы подъезжали к деревне, тем мрачнее становился Аркадий. К Михайловке вела торная дорога, с которой мы загодя съехали, стараясь как можно ближе подобраться к домам, не покидая прикрытия леса. Возле деревни Аркадий вытащил из-под дубленки золотой крест и закрутился на месте, как будто он вместе с конем был радаром, а крест – антенной.

– Не понимаю, – пробормотал Аркадий, – то ли там нет ни одной живой души, то ли в домах укрылись монахи, прикрытые святой занавесью.

– Святая занавесь – это заклинание такое? – догадался я. Аркадий рассеянно кивнул.

– Сколько у нас патронов? – спросил он. Как будто сам не знает.

– Сто двадцать к автомату и пятьдесят восемь к пистолету, – ответил я.

Аркадий наклонился и вытащил автомат из-под рогожи.

– Стой! – крикнул я. – Лучше стреляй из пистолета.

– Но к нему меньше патронов, – возразил Аркадий.

– Патроны к автомату расходуются быстрее. Давай, доставай пистолет. Отсоединяешь кобуру-приклад, снимаешь пистолет с предохранителя – он слева, под твоим большим пальцем, – взводишь курок, поднимаешь вверх и стреляешь.

– Лучше ты, – сказал Аркадий, – а я сосредоточусь на кресте.

Он попытался передать мне свой пистолет, но я остановил его гневным возгласом:

– Стой!

Аркадий непонимающе замер.

Я выдохнул, вдохнул и медленно произнес:

– Никогда не передавай пистолет другому, не поставив на предохранитель. И не направляй его на меня! Вот так. Давай сосредоточивайся на своем кресте.

Аркадий прошептал краткую молитву. Я выстрелил. Аркадий пошептал губами и облегченно выдохнул:

– И вправду никого. Никакого чувственного всплеска, даже скотины не ощущается. Не нравится мне все это...

Минут через десять мы были в деревне, а потом я увидел... Нет, я не кисейная барышня, в Чечне повидал всякого, приходилось и самому устраивать пленным момент истины и прокладывать автоматной очередью дорогу в толпе женщин и детей, пытающихся спрятать от погони преследуемого боевика. Но такого не было даже там.

Обитатели Михайловки лежали около Тимофеевой палаты, аккуратно разложенные в три ряда. Голова каждого была аккуратно отделена от тела. Здесь были все, начиная от самого Тимофея и заканчивая грудными младенцами.

– Никого не пощадили, – пробормотал Аркадий, снял шапку и рассеянно перекрестился.

– Но за что? – сипло выдохнул я.

– На всякий случай. Для воспитания. И еще как месть за своих.

– Которых я в лесу положил? А зачем детей? Какое они имеют отношение ко всему, что случилось?

– Ты пережил метель в доме Тимофея. Они помогли тебе. Ты преступник. Они виноваты. Или в твоём мире не так?

– В моем мире закон не имеет обратной силы. Когда они помогали мне, я еще не был преступником. И вообще... Дети-то чем виноваты?

– Дети – ничем, – согласился Аркадий. – Убийство детей – акт милосердия: им все равно не выжить без матерей. Так что это не грех, это в порядке вещей.

– А чем виноваты матери?

– Ничем, виноваты их мужья. Такой закон – за убийство монаха наказывается вся деревня.

– Но монаха убил я!

– Ты убил его на их земле. Не всегда за преступление отвечает тот, кто его совершил, часто наказывают того, кто оказался в ненужном месте в ненужное время. Кроме того, не думаю, что их наказали за убийство первого монаха. Трупы совсем свежие. Скорее это оттягивались те, которых ты разогнал вчера.

– Нам надо было выехать немедленно, еще вчера!

– Это ничего не изменило бы: деревня была обречена, рано или поздно карательный отряд все равно пришел бы к ним. Крестьяне привязаны к земле, они не могут просто так взять и уйти.

– Да, я понимаю, крепостное право. Его ведь у вас так и не отменили?

– Крепостное право здесь ни при чем! Как ты представляешь себе толпу крестьян, которые переезжают с места на место? У них не хватит лошадей, чтобы перевезти столько, сколько нужно, дабы не умереть на новом месте от голода. Особенно зимой. К тому же они доберутся только до ближайшего поста дорожной стражи.

– Но как же твои разбойники... то есть твои крестьяне?

– Они изменили образ жизни, они вне закона, и любой стражник вправе их убить. Более того, любой стражник обязан уничтожать беглых холопов. Местная дорожная стража предпочитает закрывать глаза на моих людей, ведь если их не станет, стражники лишатся прибавки к жалованью... Нет, Сергей, мои люди так же ходят под Богом, как и все.

– Монахи не есть Бог!

– А кто есть Бог?

– Откуда я знаю? Знаешь, когда я последний раз был в церкви?

– Бог не есть церковь. Ибо сказано... как там... короче, истинная вера внутри и не видна постороннему взгляду, а все, что видно, – либо отблеск, либо лицемерие и фарисейство.

– Хрен с ним, с фарисейством. – Что делать будем?

– Дальше поедем.

– А эти?

– А что эти? Не хоронить же их! Очнись, Сергей! У нас нет времени, нам надо торопиться в Москву. Чем быстрее мы выберемся из этих краев, тем позже на нас начнется облава.

– Сдается мне, что она уже началась.

– Это только цветочки. Поехали!

2

День прошел без приключений. В какой-то момент загадочный крест на моей груди зашевелился, как будто предупреждал о неведомой опасности. Я сказал об этом Аркадию. Он долго бормотал заклинания, тыкая золотым крестом в разные стороны, но его метания не принесли никакого результата. Видать, тревога была ложной.

Дорога размокла, лошади плелись шагом, непрестанно оскальзываясь. При всем желании мы так и не смогли покрыть за день больше тридцати километров, из которых десять выбирались на тракт.

Путешественников на тракте было мало, и это неудивительно, если посмотреть на календарь. В моем мире, где все магистральные дороги залиты асфальтом уже добрую сотню лет, люди давно успели позабыть, что такое осенняя распутица. Здесь она царит. За целый день нас никто не обогнал, а навстречу попало всего две группы всадников – в одной было два человека, в другой – три. Ехали молодые дворяне при саблях и пистолетах. Они настороженно покосились на двух смердов при подозрительно хороших лошадях, но никто из них не рискнул поинтересоваться, что мы делаем на большой дороге в добром десятке верст от ближайшего населенного пункта. Может, и хорошо, что наши автоматы так плохо замаскированы, иначе пришлось бы потратить время и патроны на ненужные стычки. А так, увидев под рогожей странную выпуклость, оценив ее очертания и мысленно представив себе обрез пищали, юные дворяне старательно отворачивались, мы отъезжали на обочину, вежливо уступая дорогу благородным господам, после чего и мы, и они спокойно продолжали путешествие. В распутице есть и свои преимущества.

Аркадий предупреждал, что к вечеру у меня будут сильно болеть бедра, вечер настал, а никаких неприятных ощущений пока нет. Наверное, лучше бы погода была нормальной для этого времени года. Тогда у меня болели бы ноги, но заночевали бы мы не в Шараповой Яме, а в Подольске или даже в Щербинке.

Постоялый двор Шарапова Яма напомнил мне «Гарцующего пони» из голливудской экранизации «Властелина Колец». Такое же покосившееся бревенчатое здание, тот же сумеречный полумрак, те же неясные силуэты, снующие во тьме от конюшни к трактиру и обратно. Я остался с лошадьми, а Аркадий пошел договариваться о комнате.

Когда мы подъезжали к Яму, я выразил сомнение в том, стоит ли останавливаться на ночлег в официальном, если можно так выразиться, заведении. Аркадий ответил, что сейчас не май месяц, а ноябрь, и полевая ночевка в это время года – не самый приятный способ провести время.

– В моем мире, – сказал я на это, – на всех больших дорогах через каждые пятьдесят верст стоят посты дорожной стражи, а в каждой гостинице имеется по крайней мере один стражник, в чьи обязанности входит докладывать о подозрительных гостях.

– Справимся, – отмахнулся Аркадий. – Пара монет кому надо решат любые проблемы, кроме того, здесь меня знают в лицо. Хозяин этого двора сволочь, но не дурак: он понимает, что случится с его заведением, если мне не понравится, как здесь со мной обошлись.

– А что случится?

– Сейчас – ничего. Только он еще не знает, что монахи согнали моих людей с насиженного места. А если бы их не согнали, они обязательно отомстили бы за своего князя. Кроме того, не забывай – у меня есть слово. Одна молитва, и конюшня вспыхнет, как береста в печи.

Чтобы не дразнить случайные взгляды, еще на подъезде к Яму автоматы и гранаты перекочевали в объемистый сверток, притороченный к крупу моего коня. Под дубленкой ждет своего часа пистолет, но я надеюсь, что его час настанет не сегодня. Судя по тому, какой широкой дугой обходят меня другие посетители постоялого двора, можно надеяться, что никто из них не отважится выяснять содержание загадочного свертка.

Хорошо, что, вернувшись из армии, я отрастил бороду. Пока в этом мире я не встретил ни одного бритого лица – видимо, указ Петра Первого о брадобритии сюда еще не дошел. С другой стороны, моя борода чересчур короткая и аккуратная, из-за чего мое лицо сразу бросается в глаза. Наверное, именно поэтому я вызываю такое беспокойство – по одежде крестьянин, а по облику... Интересно, за кого меня принимают – за разбойника, переодетого стражника или дикого монаха?

Аркадий вернулся быстро, выглядел он довольным, от него ощутимо пахло спиртным.

– Расседывай коня, – отрывисто бросил он, – я обо всем договорился, Васька Косой меня еще помнит. Даже странно – столько лет прошло... Короче, наша комната последняя по коридору на втором этаже. За жильё Васька денег не взял – за счет заведения, говорит. Бойтся, засранец, даже клятву потребовал.

– Какую клятву?

– До завтрашнего утра я не должен никому причинять зла, если меня к тому не принудят. Боялся, гаденыш, что я к нему по делу приехал, а как я поклялся, так он аж просиял, даже обещал мимо поста провести. И еще спрашивал, не нужно ли мне продать чего или склад арендовать. Думает, паршивец, что мы с тобой на большое дело едем. В общем-то он прав, дело и впрямь большое. – Аркадий хихикнул.

– А если ты клятву нарушишь, твое слово потеряет силу?

– Ну да, а как же иначе? Что ты так долго возишься? Посторонись-ка, смотри, как седло снимается. В следующий раз сам будешь делать. Давай, хватай тюк, пошли.

3

Ужин нам принесли в комнату. Аркадий резонно рассудил, что оставлять тюк с автоматами без присмотра не стоит, а ужинать по отдельности неинтересно. Думаю, это вызвало определенное любопытство среди трактирной прислуги: крестьяне поселились не на сеновале, а потом затребовали себе ужин прямо как господа. Интересно, что они подумают, когда завтра нам принесут другую одежду, более гармонирующую с нашими лошадьми?

Гостеприимство Васьки Косого ограничилось бесплатной комнатой. За ужин он срубил по полной программе, а за одежду – платье, как здесь говорят, – Аркадий переплатил самое меньшее втрое. Если учесть, что половина комнат на постоялом дворе в это время года пустует, хозяин заведения явно не остался внакладе.

Ночь прошла спокойно – никто не пытался ни вломиться к нам, ни проникнуть по-воровски, все было тихо. Может, Аркадий зря тревожился?

Утром посыльный мальчишка доставил новое платье. Аркадий расплатился, и из комнаты вышли не два крестьянина, а два купеческих приказчика – один постарше и поглавнее, а другой помоложе, с укороченной для форсу бородой. Если забыть, в каком виде мы вчера здесь появились, то совершенно ничего подозрительного. А если померещится что, тоже ничего страшного – надо только не показывать странным попутчикам, что у тебя возникли какие-то сомнения, и тогда можно не бояться, что на тебя падет гнев разбойников. В общем, пока Аркадий навьючивал груз на конскую спину, а я неумело помогал ему, наши соседи по конюшне старательно отводили глаза, глядя куда угодно, но только не в нашу сторону, и преувеличенно громко обсуждали свои мелкие и незначительные дела и проблемы. А потом мы уехали, и многие вздохнули с облегчением.

Пост дорожной стражи мы миновали легко. Мальчишка из прислуги Васьки Косого подошел к домику с вывеской в виде щита и меча, что-то сказал стрельцу в камуфляжном кафтане, что-то маленькое переместилось из руки мальчика в руку стрельца, а затем посланец развернулся и побрел обратно. Стрелец вспомнил о чем-то важном и скрылся в домике. Мы проехали мимо, никто нас не остановил и даже не окликнул.

– Хорошо проскочили, чисто, – констатировал Аркадий, – дальше будет труднее. В Подольске я уже никого не знаю. Еще грязь эта...

Температура поднялась градусов до восьми, и в воздухе запахло весной, как будто ноябрь месяц чудесным образом превратился в апрель. Снег стаял почти весь. Завтра, должно быть, лужи начнут подсыхать, но сегодня нечего и думать о том, чтобы пустить лошадей рысью. Печально, однако, как здесь говорят, все в руках божьих.

Путников на тракте стало еще меньше, чем вчера: за целый день нам встретился только один всадник. Аркадий сказал, что это был государев гонец, если судить по одежде. Надо полагать, те путники, кого не подгоняли совсем уж неотложные дела, благоразумно предпочли переждать распутицу, отложив путешествие на более подходящее время.

– Докуда сегодня доехать успеем? – спросил я.

– До Подольска, – ответил Аркадий, – в лучшем случае до Щербинки. Только в Подольске придется нелегко. Подорожной у нас нет, знакомых тоже – это уже не мои владения. Боюсь, придется драться.

– Со стражниками?

– С кем же еще? А в Подольске не просто пост – там целая рота стоит. Один-два монаха... Скорее один, хотя недавно, говорят, среди них тоже мобилизация была. Вся надежда на твой амулет да на мое слово. Или попробовать... Нет, лучше постараться обойтись без стрельбы – незачем губить невинные души, да и патронов у нас мало. С другой стороны, перед настоящим делом незнакомое оружие надо бы опробовать...

– Автомат – очень простое оружие, – я попытался успокоить Аркадия, – им может пользоваться даже необученный боец. Главное – не жалеть патронов, стрелять на опережение и не забывать прерывать очереди. Самая лучшая очередь – на четыре патрона: наводишь дуло на противника и полосуешь наискось не целясь – хоть одна пуля да найдет цель.

– Знаю, ты уже говорил... Все равно на душе неспокойно. Твой крест ничего не чувствует?

– Нет.

– Мой тоже. А в душе что-то свербит. И зачем я только с тобой связался...

– Извини, Аркадий, только что тебе оставалось? Сдаться монахам? Или принять бой с моими стрельцами? Мы с Усманом перебили бы половину гарнизона.

– Ты прав, Сергей, ничего мне не оставалось... Все сущее в руках божьих, и я не исключение... Как думаешь, дойдем до Москвы?

– А сам-то как думаешь?

– Даже не берусь судить. С одной стороны, шансов вроде как нет. С другой, если у нас слово есть, а у врага, считай, нет, так это вроде как у них шансы отсутствуют. Только слово у меня не особенно сильное – тигра мне уже никогда больше не сотворить. Я тогда, собственно, дракона хотел создать, да вовремя понял, что сил не хватит. Пришлось на ходу молитву менять, вот и получился тигр. Жалко его...

– Тигра жалко, а людей еще жальче.

– Все мы в руках божьих, и повернется все так, как ему угодно, а не по нашему хотению. Ежели возжелает Господь, чтобы мы дошли, значит, дойдем, а нет – так не дойдем. Или дойдем, но не сумеем ничего. Может, мне слово до конца приберечь?

– Тебе виднее. Думаю, мы и без слова должны прорваться. Вот где будем в Подольске на ночлег устраиваться?

– Это как раз легче легкого. Найдем какие-нибудь трущобы погрязнее, там и устроимся.

– А не получится так, что проснемся, а коней – поминай как звали?

– Да ты что! На два креста никакой лихой человек не поперет – это как на медведя с одним ножом и без рогатины. На худой конец, можно смертную клятву потребовать.

– А что, если смертную клятву нарушить, то умрешь?

– Скорее всего. Бывает, некоторые не умирают – считается, что Бог их простил. Но это редко. Только когда клятву нельзя не нарушить. Ну, например, если поклялся не причинять вреда кому-то, а этот кто-то на тебя с ножом попер. Или если клятву нарушил нечаянно, по неосторожности. Иногда, впрочем, Бог и за это карает. А в твоём мире что, клятвы не действуют?

– Как сказать... Считается, что нарушать обещание нехорошо, но, если нарушишь, ничего страшного обычно не происходит. Так, совесть мучает...

– Хорошо вам... Что-то не понимаю я, почему до сих пор никакой суеты на дороге не наблюдается?

– А почему должна быть суета? Если у монахов связиста не было, значит, они гонца послали, а гонец до Москвы еще не доехал – сам видишь, какая дорога.

– Все равно суета должна быть. Не могли стрельцы все разом за ватагой погнаться, кого-то обязаны были в Михайловке оставить. И в Шараповом Яме должны были разговоры идти – не каждый же день монахи со стрельцами по тракту шастают.

– Ты вроде говорил, недавно мобилизация была?

– Была... Может, ты и прав, может, действительно все подумали, что отряд на войну собрался. Но все равно неправильно это.

– Думаешь, за нами следят?

– Нет, не следят. Такие вещи мой крест четко улавливает, да я и без креста могу слежку обнаружить – слово это позволяет. Предчувствие у меня какое-то...

– Неопределенное?

– Да, неопределенное. Ладно, нечего сейчас грузиться, чему быть, того не миновать.

4

В Подольск мы въехали примерно за час до заката. На въезде в город стояла будка дорожной стражи, она была хорошо видна издали, и мы заблаговременно свернули в лес, избежав нежелательной встречи.

Подольск снова напомнил мне о семнадцатом веке. В фильмах про начало правления Петра Первого Россия изображается примерно так же: грязные и оборванные бородастые людишки, непролазная грязь на улицах, все серое и тусклое, но не печальное, а какое-то естественное, природное. Посреди городской улицы валяется здоровенная свинья, и прохожие обходят ее, нимало не удивляясь. Женщины подбирают подола длинных платьев, чтобы не запачкать, но все равно пачкают. Полуголые дети бегают по лужам, словно не замечая того, что погода хоть и не вполне ноябрьская, но совсем не летняя. Речь звучит не быстро и отрывисто, а плавно и напевно, будто говорящие никуда не торопятся. Так оно и есть: здесь никто и никуда не спешит, здесь все и вся в руках божьих, и так будет всегда. Здесь никого не волнует, чему равен курс ефимка по отношению к талеру и как идут военные действия на православно-католическом фронте. И не важно, что сказал вчера государь император, и что порешили бояре в Государевой Думе. Здесь жизнь идет своим чередом. Да, местные аборигены чудовишно бедны по меркам моего родного мира, причем бедны не только материально, а и духовно. Но я уверен, что количество шизофреников на душу населения здесь в сотню, если не в тысячу раз меньше, чем в том Подмосковье, из которого я сюда явился.

Широкомордая и чудовишно некрасивая девка с густо нарумяненными щеками и пустым водянистым взглядом поинтересовалась, не желают ли благородные господа поразвлечься. Аркадий оживился:

– О, это то, что нужно! Веди!

Девица направилась в лабиринт кособоких сараев, которые при ближайшем рассмотрении оказались жилыми домами. Или, скорее, домишками. А еще точнее – халупами. Ощутимо запахло навозом, а также пищевыми отходами.

Девица распахнула дверь одного из сараев, и нашим взорам предстала крохотная комнатка с печкой-буржуйкой в углу – только не железной, а, кажется, бронзовой – и кучей неясного тряпья посередине. В печке вяло потрескивал какой-то хлам, трубы не было, и, чтобы едкий дым не ел глаза, приходилось сгибаться в три погибели.

– Любку позвать? – спросила девка. – Или я одна управлюсь?

– Управишься, – пообещал Аркадий, захлопнул дверь и явил на свет божий золотой крест.

– Для начала принеси смертную клятву, – сказал Аркадий. – Нет, лучше не смертную – смертью тебя вряд ли напугаешь. Лучше поклянись... Ну, например, так... поклянись, что наших лошадей не сведут до завтрашнего утра, а иначе быть тебе прокаженной.

Баба разинула слюнявый рот, рухнула на колени и заголосила:

– Не губите, святые отцы, пощадите дуру грешную! Как же я за ваших лошадей побожусь, нешто воры меня послушаются?

– Послушаются, – пообещал Аркадий, – потому что вот этот рубль ты передашь кому нужно. Только сначала принесешь клятву. Ну?

– Клянусь, – обреченно зашептала девица, – что сих лошадей не сведут до утра...

– Включительно, – подсказал Аркадий.

– Включительно, – согласилась девица, – а ежели сведут, быть мне прокаженной.

– Замечательно, – констатировал Аркадий, – а теперь отнеси рубль куда надо и принеси чего-нибудь пожрать.

– На что? – уточнила девица.

– На сдачу. И поживее!

С этими словами Аркадий распахнул дубленку и явил взору несчастной женщины автоматический пистолет Стечкина. Девица разинула рот, поклонилась, перекрестилась и убежала.

Она вернулась почти через час, в течение которого мы с Аркадием успели соорудить из тряпья что-то вроде лежанки, где можно было более-менее комфортно отдыхать, если отрешиться от царящих здесь запахов. Один раз Аркадий, услышав какое-то оживление на улице, выглянул за дверь и проводил задумчивым взглядом стайку убегающих подростков. Если проследить траекторию, становилось понятно, что убегали они от наших лошадей, привязанных к вкопанному неподалеку столбу непонятого предназначения. Да уж, криминогенный район. Потом девица вернулась. Как выяснилось, ее звали Надюхой, она принесла пожрать, но я не буду описывать, что именно. Несмотря на осязаемое чувство голода, есть это можно было только с большим трудом. Еще она принесла примерно литр самогона. Аркадий наотрез отказался его пить, а я попробовал, чтобы нейтрализовать возможные последствия поглощения тухлой вареной трешухи. Лучше бы этого не делал. Жалко, что ни я, ни Аркадий не догадались взять в дорогу съестного. Впрочем, не до того было.

Мы поели. Надюха немного осмелела и попросила у Аркадия благословения. Чести такой она не удостоилась, и нельзя сказать, что это ее сильно расстроило: скорее, она рассчитывала на подобный исход и просила благословения просто на всякий случай.

Получив отказ, Надюха предложила свои услуги за бесплатно. Ответом ей был наш с Аркадием жизнерадостный смех. Да уж с такой женщиной иметь дело даже на халяву не хочется. Надюха немного обиделась, но не угомонилась, предложив поискать девочек помоложе и посимпатичнее, еще не порченных, которые с радостью отдадут свою невинность святым людям, потому что это не только праведный поступок, но и хорошее предзнаменование для дальнейшей жизни. Услышав ее тираду, Аркадий сильно смутился, опасливо покосился на меня, а потом, решившись, спросил:

– А как насчет мальчиков?

Я захохотал. Аркадий сделал обиженное лицо, и я поспешил его успокоить.

– Не смущайся, – сказал я, – но это и вправду смешно. У тебя было такое лицо, как будто ты ее предложением смертельно оскорблен и решаешь, что с ней сделать – испепелить на месте или немного подождать. А ты, оказывается, просто стесняешься... Нет, это на самом деле смешно.

Надюха открыла рот, несколько раз сглотнула, а затем троекратно перекрестилась.

– Желания вашего священства – закон, – пробормотала она и вопросительно глянула на меня.

– Нет, мне девочку, – я поспешил успокоить несчастную, – и не очень молодую, я педофилией не страдаю.

– А что здесь страдательного? – не понял Аркадий. – Это почти так же, как с мальчиком.

– У нас в мире, – пояснил я, – сношение с несовершеннолетним считается преступлением. До десяти лет тюрьмы, если я не ошибаюсь.

– За нами следят, – сообщил Аркадий, не изменяя интонации голоса. – Не дергайся и не дай сердцу екнуть – за нами следят колдовским взглядом. Наши разговоры им не слышны, но все чувства как на ладони. Сохраняй расслабленность, но будь готов.

– Надо достать автоматы, – пробормотал я.

– Доставай, – согласился Аркадий и добавил: – Все равно скучно здесь. Это чтобы из роли не выйти, – пояснил он.

Я широко зевнул, неспешно подвинул к себе сверток и начал распутывать тесемки. Это заняло добрых пять минут, в течение которых Аркадий валялся на груди грязного тряпья лицом вверх и меланхолично рассуждал о роли искушения в человеческой жизни и о том, как хорошо иллюстрирует этот факт каждый из нас, делая сексуальный заказ.

Среди складок рогожи хищно блеснуло дуло автомата.

– Не позволяй себе думать о нем как об оружии, – сказал Аркадий. – Лучше представь себе, что ты его чистишь. Я, пожалуй, займусь тем же самым.

Он протянул руку, лениво поднял тот автомат, который был без подствольника, и щелкнул предохранителем.

– Прорываться будем прямо сейчас? – лениво спросил я.

– Чем быстрее, тем лучше, – так же ответил Аркадий. – Представь себе, что отложил оружие в сторону. Представил? А теперь пойдем отольем под венец.

– Под какой венец? – не понял я.

– Ну, под угол. Угол бревенчатого сруба называется венцом, – пояснил Аркадий.

Мы вышли на улицу, и я пожалел, что в «газели» не оказалось приборов ночного видения. Уже давно стемнело, и сейчас без колдовского зрения никак не определить, откуда именно за тобой наблюдают чьи-то внимательные и недобрые глаза.

Аркадий вытащил из кармана дубленки ручную гранату, взглянул на меня и приоткрыл рот, но я остановил его жестом. Не нужно слов – я и так уже все понял. Забрал у него гранату, выдернул кольцо, широко размахнулся и метнул ее через крышу сарая так далеко, как только мог.

Взрыватель звонко щелкнул, запахло порохом. Если бы было светло, мы бы увидели, как за летящей гранатой тянется белесый дымок. Аркадий непроизвольно вздрогнул, вытащил крест из-за пазухи и закружился на месте волчком. А через четыре секунды ночная тишина взорвалась громом.

Залаяли собаки, истошно закукарекал разбуженный петух. Аркадий резко дернулся туда-сюда, после чего принял решение, и мы побежали со всех ног куда-то... Пожалуй, на северо-запад, если я не потерял ориентировку в этом трущобном лабиринте.

– Лошади! – вскрикнул я.

– Забудь! – зло ответил Аркадий. – На лошадях нам отсюда не выбраться. Будем прорываться, лошадей потом сведем каких-нибудь.

Прямо по курсу выросло что-то черное. При ближайшем рассмотрении оказалось – бревенчатый домишка, лишь немногим более добротный, чем сарай Надюхи. Аркадий замешкался, я вырвался вперед, размахнулся автоматом и выбил прикладом слюдяное окошко.

– Гранату! – прошипел я.

Аркадий понял меня правильно, и граната отправилась внутрь сруба.

– Богородица Дева Пресвятая... – донеслось изнутри. Мой крест дернулся, и я ощутил, как через выбитое окошко накатилась волна чего-то светлого, одновременно злого и опасного. Аркадий сдавленно крикнул.

Сруб содрогнулся, и волна схлынула. Когда уши немного отошли от грохота взрыва, стало слышно, как внутри домика кто-то тихо и отчаянно поскуливает. Мы рванулись дальше.

Аркадий резко остановился, протянул руку и дернул меня. Я тоже притормозил, и вовремя.

Потому что земля задрожала, и в неверном свете луны, на мгновение высунувшейся из-за облаков, я увидел, что прямо перед нами земля разверзлась и проваливается куда-то вниз. Сформировалась нехилая яма, которая расширялась все больше и больше. За пару секунд ровная земля под моими ногами обрела заметный наклон, я сделал машинально шаг назад и едва не поскользнулся.

Крест засуетился и показал мне вперед. Я увидел, что за полуразрушенным плетнем прячутся трое существ, окрашенных злобно-пурпурными аурами. Восьмипатронная автоматная очередь придала аурам кроваво-красный оттенок, а граната из подствольника подействовала на них, как выключатель на горящую электрическую лампочку.

Целый фонтан земли взметнулся в небо оттуда, где только что была яма. Исполинская ладонь, сотканная из воздуха и земляных комьев, ударила меня в грудь и отбросила метров на пять назад. Каким-то чудом я исхитрился не выронить автомат.

Аркадий что-то сдавленно прошипел, вскочил на ноги и заозирался по сторонам. Кажется, его распирает изнутри какая-то злая сила. Наконец, решившись, он повернулся чуть вправо, простер руки вперед и вверх, и метрах в ста-ста пятидесяти от нас соломенная крыша деревянного домика вспыхнула в мгновение ока.

– Уже поздно отменять волшебство, – пояснил Аркадий.

Стало светло, и я увидел, что земляной фонтан иссяк. Взглянул в небо – над городом бушевал смерч. Он уже окончательно сформировался и удалялся куда-то влево, разметывая берестяные, дерновые, соломенные крыши и приводя в смятение монахов, занявших оборону в той стороне. Я с удивлением понял, что последнее подсказал мне крест, причем произошло это так естественно, как будто сейчас он стал частью моего тела... или души.

Я дернул Аркадия за рукав, и мы побежали вслед за удаляющимся смерчем. В первую секунду Аркадий пытался увлечь меня в противоположную сторону – туда, где горел дом, но, увидев смерч, переменил решение.

Когда мы пробежали мимо плетня, разорванного взрывом гранаты, из смородиновых кустов донеслось сдавленное проклятие. Аркадий дернулся и чуть не упал, но удержался на ногах. Он резко остановился, развернулся и дал назад по-чайнички длинную очередь. Он не попал, но монах заткнулся. Аркадий развернулся обратно и побежал за мной, очевидно думая, что убил врага. Я не стал его разубеждать.

Смерч мчался впереди все быстрее и быстрее, мы неудержимо отставали от него и, похоже, уже вышли из-под его защиты. Сейчас монахи отвлекутся от смерча, снова обратят на нас внимание, и тогда... Смерч беззвучно взорвался и исчез. Земляные комья, охапки соломы, трава, ветки и всякий мусор тихо осыпались на землю, и почти воцарилась тишина. Почти – потому что далеко позади продолжали надрываться собаки и доносились человеческие голоса – испуганные и разгневанные.

Крест задрожал, ощутив, как слева позади, метрах примерно в пятистах, взбухает чудовищный пузырь какого-то заклинания огромной мощности. «Мне не удержать его!» – испуганно пискнул крест.

Я дернул Аркадия за рукав, и мы побежали в сторону готовящегося заклинания.

– Ты что?! – завопил Аркадий. – Там же...

– Вижу! – крикнул я.

- Видишь? – удивился Аркадий. – Но...
- Крест видит! – пояснил я. – Быстрее!
- Не туда! – отчаянно крикнул Аркадий. – Надо убегать, укрываться...
- От этого не укроешься!

Я перепрыгнул через широкую канаву, не замедляя бега, и понял, что прекрасно вижу в темноте. А еще я понял, что заклинание вот-вот сработает и дальше медлить нельзя. Далековато, но придется рискнуть.

Я поднял ствол автомата под углом сорок пять градусов и мягко надавил на спусковой крючок подствольника. Ничего не случилось. Черт меня возьми! Я же не перезарядил его!

Я неловко залез под дубленку и потянулся к под сумку на правом боку. Гранаты где-то здесь... не расстегивается... черт, не успеваю! Пузырь взбухает, сейчас что-то родится... уже вот-вот...

Пальцы наконец справились с застежкой, я выдернул гранату, она выпала и застряла где-то в складках одежды. Я мысленно плюнул и вытащил вторую, последнюю. Загнал ее в ствол и...

Темный пузырь взорвался. Из его недр явилось на свет что-то белое, острое и колючее, как снег на склоне Эльбруса в морозный солнечный день. Крест затрепетал, пространство другого зрения мгновенно заволочлось туманным сиянием, оно не слепило, но видеть стало труднее... Я понимаю, что эти объяснения сбивчивы, что они не проясняют, а только запутывают, что все похоже на бред сумасшедшего, возможно, все действительно бред, но я не могу найти других слов, кроме тех, которые уже подобрал.

Стараясь не обращать внимания на то, что творится сейчас... где? в астрале?.. я поднял автомат, тщательно прицелился – насколько вообще можно говорить о тщательности прицеливания с такого расстояния – и потянул спуск. Подствольник гавкнул, автомат в моих руках дернулся, граната полетела по крутой параболе, я взглянул на нее другим зрением и с ужасом понял, что она отклоняется в сторону: вихрь, бушующий вокруг белой твари, относит гранату далеко вбок. Вторая граната, похоже, провалилась в штаны, лимонка осталась только одна, я израсходую ее и из оружия буду иметь только автомат и пистолет, а с таким набором пусть Рэмбо воюет – у нормального человека в подобном бою шансов немного... Все это промелькнуло в моем смятленном разуме, я взмолился, крест отрезонировал, и граната круто изменила траекторию. Она отвесно рванулась к земле, как будто для нее перестали существовать законы инерции, у самой земли так же резко изменила направление полета с вертикального на горизонтальное, влетела под существо, которое, оказывается, висело в воздухе, не касаясь земли, а затем взмыла вверх и соприкоснулась с колдовской плотью. Граната прошла насквозь... Оно нематериально!... Контактный взрыватель не работает!... Нет, граната замедляется... Это существо наполнено слизью... Сейчас...

Ба-бах!!

Белое покрывало взметнулось в ночи, видимое невооруженным глазом. Как ни странно, существо сохранило целостность, его тело раздулось метров до пятидесяти в диаметре, но не разорвалось. А теперь оно медленно сжимается и... А почему осколки все еще прыгают внутри? Односторонняя прозрачность? Ну-ну...

Я всадил в существо остатки магазина и выбросил использованный рожок. Вгляделся в существо и увидел, как пули весело прыгают внутри его, оставляя за собой туманные следы, в которых субстанция теряла структуру... Короче говоря, существо колбасило, причем не под детски.

Аркадий заворуженно смотрел на разворачивающуюся картину. Я огляделся по сторонам и понял, что окружающие нас монахи (как их много!) тоже не отрывают взглядов от корчащегося существа. Я вставил в автомат последний рожок и больно ткнул Аркадия под ребра.

– Уходим! – крикнул я. – Быстрее, пока они не опомнились!

Аркадий посмотрел мне в глаза рассеянным и каким-то убитым взглядом. Он непонимающе кивнул, повернулся и побрел прочь, переставляя негнущиеся ноги, как Буратино-перерос-ток.

– Быстрее! – Я еще раз ткнул его, на этот раз в спину. – Не спи, надо уходить, сейчас будет поздно!

– Уже поздно, – пробормотал Аркадий. – Это конец.

И в этот момент существо взорвалось. Пространство сзади меня вспухло невидимым, но ослепительным светом. Неощутимая иначе как с помощью магического зрения, ударная волна покатила во все стороны, вначале неспешно, но набирая ход с каждой секундой. Надо прятаться! Нет, я увидел, как волна проходит через дом, не замечая стен, и понял, что прятаться бессмысленно. Крест на моей груди напрягся и прошептал: «Я прикрою тебя. Только тебя. Извини, но мои силы не безграничны».

Я беспомощно взглянул на Аркадия, тот спокойно принял мой взгляд, и его губы зашевелились в беззвучной молитве. А потом нас накрыла волна.

Наверное, на секунду я потерял сознание, поскольку никак не могу вспомнить, что происходило в тот момент. В моей памяти есть только два кадра, между которыми – мрак. Первый кадр: я понимаю, что нас накрыла волна. Второй кадр: Аркадий, мертвый, лежит на земле, а я деловито обшариваю труп, забираю оружие, боеприпасы и деньги. Аркадий выглядит как живой, но его сердце не бьется, и я знаю, что ему не поможет ни искусственное дыхание, ни непрямой массаж сердца. Тело Аркадия не повреждено, но душа уничтожена, а тело без души – не более чем пища для могильных червей и других трупоедов.

Я с трудом выпрямился, посмотрел на мертвого товарища (или все-таки друга?) и понял, что не знаю ни одной молитвы. Ничего страшного, я верю, что Бог и без молитв способен отличить грешника от праведника. Если, конечно, Бог есть.

Я вспомнил чудовищно националистический анекдот про Иисуса Христа и палестинского шахида, улыбнулся и пошел прочь.

5

Я сидел в круглосуточной забегаловке, на которую каким-то чудом набрел, бесцельно слоняясь по ночному городу. На столе передо мной стояла глиняная миска с гречневой кашей, в которой, если очень потрудиться, можно было откопать крошечный кусочек чего-то, отдаленно похожего на мясо. Рядом лежала краюха еще теплого черного хлеба, а чуть поодаль стояли глиняная кружка с поганим пивом и глиняная рюмка со столь же поганим самогонном. Нефильтрованное пиво – это, конечно, хорошо, но всему есть предел.

Я смиренно сидел в самом дальнем от входа углу заведения, объемистый куль с упакованным внутри автоматом лежал под лавкой, придавленный моей ногой. Рядом оттягивалась компания не обремененных интеллектом молодых ребят. Судя по разговорам, обслуга купеческого каравана. Или охрана. Пожалуй, второе больше похоже на правду: все – не ниже ста семидесяти сантиметров, а в этом мире такой рост значительно выше среднего.

На меня настороженно косились, но с разговорами не приставали. Заметили оружие под рогожей? Нет, это невозможно, они пришли позже и не видели, как я прячу куль под лавку. Тогда что? За кого они меня принимают? За разбойника?

Полумрак расступился, и на лавку напротив взгромоздился коренастый парнишка – на вид лет пятнадцати, но не по годам крепкий. Несколько минут назад товарищи посылали его разузнать последние новости насчет того, что там гроыхало час назад в бляжьей слободе. Судя по возбужденно бегающим глазам юноши, он услышал много интересного.

– Слушайте, пацаны, – начал он, – там такое... – Он перекрестился. – На Московском тракте монахов-то, монахов... сотни две будет, не меньше.

– Да хватит тебе заливать, – буркнул кряжистый бородатый мужик лет сорока, судя по всему, начальник этого коллектива. – Скажешь тоже – две сотни.

– Вот те крест, дядя Сидор, – парень перекрестился еще раз, – истинно говорю – две сотни, не меньше. Так и шныряют везде, так и шныряют. И какие-то они... перепуганные...

Парень произнес эти слова, да так и замер с открытым ртом. Видно, до самого дошло, что он сказал. В этом мире испуганный монах – настоящее чудо.

– Кого им бояться? – удивился дядя Сидор. – Ты, Афонька, говори, да не заговаривайся. Две сотни монахов только антихрист напугает.

Афонька согласился, побледнел и перекрестился еще раз.

– А вы как думаете, уважаемый, – обратился ко мне дядя Сидор, – разве может что-нибудь напугать две сотни монахов?

Я пожал плечами, думая, что этого хватит, но дядя Сидор выжидательно смотрел на меня – пришлось дать более развернутый ответ.

– Напугать можно кого угодно, – сказал я. – Антихрист, не к ночи будь помянут, – я перекрестился, – тому пример, да и обычный дьявол тоже любого испугает. Ну или почти любого. Еще две сотни монахов могут бояться трех сотен вражьих монахов – только откуда врагам взяться в самом сердце России? А мог появиться один дикий монах, но очень сильный.

– Такие монахи только в сказках бывают, – усмехнулся Сидор. – Сдается мне, здесь в другом дело. Помните, ребята, как в позапрошлом году под Серпуховом над лесами змий летал? Наверное, и сегодня что-то подобное сотворилось. Вот только что? Как взрывы пошли, показалось мне, будто белое зарево поднялось над домами – словно ангел божий сошел на грешную землю. Но это не ангел.

– Почему? – поинтересовался я.

– Так ведь ангела божьего не только земное оружие не берет, но и слово чужое против него бессильно. Над ангелом только сам Бог властен, да еще рука божья.

– Какая рука? – не понял я.

– Того, кто воззвал к Всевышнему и призвал ангела на грешную землю, называют рукой божьей. Никакому человеку, даже самому святому, не под силу ангела вызвать – над ангелами только Бог властен. Потому тот, кто ангела вызвал, есть рука божья... А ты, добрый человек, куда направляешься? – Сидор резко переменил тему разговора.

– В Москву, – ответил я.

В какой-то книжке, кажется, в детективе, прочитал, что, если не знаешь, говорить правду или солгать, лучше говорить правду. По крайней мере, меньше вероятность запутаться. Вот я и сказал правду.

– Один или с обозом? – поинтересовался Сидор.

– Один.

– С нами пойдешь?

– А чего бы не пойти? Пойду.

– Расплатишься пищалью. Как Серпуховскую заставу пройдем, так и расплатишься.

– Какой пищалью? – Мне показалось, что я ослышался.

– Которая у тебя под лавкой. Обрез?

– С чего ты взял? – деланно изумился я. – Нет у меня никакого обреза под лавкой!

– Не гневи Бога, – серьезно произнес Сидор, наставительно подняв палец. – Не лги без нужды. Днем тебя здесь не было, ты пришел ночью – в акхурат после того, как в бляжьей слободе отгромыхало. На монаха ты не похож, поскольку про ангелов божьих ничего не ведаешь. Значит, или тать, или случайный прохожий, скажем, приказчик, от каравана отбившийся. На случайного прохожего ты, уж извини, тоже не похож – случайные люди по непотребным местам ночами не шастают.

– А с чего ты взял, что я именно оттуда пришел?

– А откуда еще? Грязный весь и глаза... не то чтобы испуганные, но озадаченные. Сидишь здесь один, забился в угол и думаешь, куда податься. А я тебе говорю, подавайся к нам.

Я провел по лицу тыльной стороной руки и обнаружил, что Сидор прав: морда у меня не самая чистая. Это неудивительно – было бы странно, если бы после того смерча я остался неиспачканным. Стоило раньше обратить на это внимание... ладно, чего уж теперь...

– А с чего ты взял, что под лавкой у меня обрез пищали? – поинтересовался я.

– Из таких приключений убегают, света белого не видя, – ответил Сидор. – А ты убежал, но тюк не бросил, а тюк у тебя тяжелый и громоздкий.

– Откуда ты знаешь про тюк? Ты же в трактир позже меня зашел!

– Я видел, как ты в двери входил. Пищаль ты, кстати, плохо завернул – сразу видно, что внутри. Пистолетов у тебя один или два?

На мгновение я задумался, потом решил сказать правду:

– Два.

Сидор удовлетворенно кивнул:

– Я так и думал. Хочешь, расскажу, что там с тобой приключилось? Ты забрел в бляжью слободу... Вряд ли по бабам, скорее по делу. По какому – судить не берусь, но вряд ли по законному. – Он усмехнулся. – Тут все и началось. Взрывы, вспышки, монахи молятся, пищали стреляют, черно книжник отбивается...

– Черно книжник?

– Ну да, черно книжник, а кто же? На кого еще такую облаву могли устроить? Короче, пищали палят, от волшебства земля трясется, друзей твоих шальным колдовством положило, а ты в землю забился и схоронился, пока все не кончилось. А как все кончилось и черно книжника забили, встал ты, отряхнулся, осмотрелся по сторонам и видишь, что остался один на всем свете, если не считать пищали. Подхватил пищаль, завернул ее в куль и побрел куда глаза глядят. А тут, глядь, кабак на пути. Зашел внутрь, засел в угол, пищаль под лавку, пистолеты поближе к рукам, сидишь и думу думаешь, куда теперь податься. Вот и подавайся к нам. До Москвы проводим, без нас тебе через заставы никак не пройти. А потом, если ты мне понравиться да сам если захочешь, так с нами и останешься. Ты – муж справный, статный, на лицо неглупый... Повоевать пришлось?

Я кивнул.

– Словакия?

– Чечня.

Сидор огорченно зацокал языком:

– Снова, выходит, абреки зашевелились? Ох, беда с ними. Я всегда говорил: надо ихнее племя гадское извести, как Господь Содом и Гоморру! Так, значит, воевал... Убег, поди, с войны-то?

– Отпустили.

– Изранен был?

– Нет, Бог миловал. Срок вышел.

– А сколько тебе годков-то?

– Двадцать три.

– А где ты служил? Что-то не знаю я частей, где через семь лет отпускают.

– Два года, а не семь, меня забрали в двадцать один.

– И что, через два года отпустили? Где служил-то?

– Разведрота сто девяносто второго десантного полка, – ответил я чистую правду.

Сидор звонко хлопнул ртом:

– Так ты что, из монахов, выходит? Дикий?

– Я постриг не принимал, – снова сообщил я чистую правду.

– Но слово знаешь?

- Чуть-чуть. Иначе бы мне сегодня не выжить.
- Что умеешь? – В голосе Сидора проявились деловые нотки. А он не так прост, как кажется...
- Говорят, неплохо дерусь, – начал я, – стреляю из пистолета, пищали...
- Да я не о том! – перебил меня Сидор. – Слово твое что умеет?
- Почти ничего, – честно признался я. – Я совсем недавно его получил, почти не владею им, если честно. Сидор задумчиво пошевелил челюстью.
- А может... Кстати, как тебя зовут-то?
- Сергей.
- А меня Сидор. Будем знакомы, стало быть. А может, Сергей, ты выложишь аккуратненько пистолетики на лавку да и пойдешь куда глаза глядят? А? Или думаешь, коли стрелять начнешь, пуля не в потолок уйдет?
- Первая пуля в потолок, – согласился я и вытащил «стечкина» из-под полы. Отсоединил магазин и продемонстрировал его верхний срез Сидору.
- Здесь двадцать пуль, – сказал я, – и девять в другом пистолете. Хочешь рискнуть? Я защелкнул магазин на место и убрал «стечкина» под дубленку. Сидор решил не рисковать.
- А ты серьезный человек, – проговорил он. – Где достал такую игрушку?
- В лесу, – честно сказал я. – Верст пятьдесят-семьдесят отсюда. Там еще есть.
- Сколько? – быстро спросил Сидор.
- Тебе хватит.
- Сколько за штуку?
- Я задумался. Какой тут курс рубля?
- В Москве обсудим, – сказал я после долгой паузы. Сидор кивнул.
- Пищаль у тебя такая же хитрая? – спросил он.
- Ага, – кивнул я. – Кстати, это не обрез, она такая же короткоствольная, как и пистолеты.
- На сколько шагов стреляет?
- С трехсот в человека попасть можно.
- С трехсот шагов?!
- Ну, перед этим потренироваться надо...
- С трехсот шагов, – со вкусом проговорил Сидор. – Минуту назад мне показалось, что я продешевил, но теперь... Приноси клятву, и поехали в Москву.
- Сначала ты.
- Умный парень, – усмехнулся Сидор. – Клянусь Отцом и Сыном и Святым Духом, что не причиню никакого вреда рабу божьему Сергею, пока мы не окажемся в Москве.
- И день после этого, – добавил я.
- И день после этого, – согласился Сидор и замолчал.
- Ты не закончил, – сообщил я. Сидор глубоко вздохнул и закончил:
- А если нарушу сию клятву, не быть мне живым.
- Пусть поклянутся остальные, – потребовал я.
- Сначала ты, – уперся Сидор. – Забыл порядок?
- Поколебавшись пару секунд, я произнес смертную клятву. Крест шевельнулся. Надо же, действует, а я уж подумал, что он растерял всю свою силу.
- Приказчики, или охранники, или кто они там есть, один за другим повторили клятву, а потом мы выпили за знакомство. А потом выпили за то, чтобы добраться до Москвы без затруднений. А потом просто так.

6

Я продрал глаза и подумал, что пить надо меньше. Оказывается, я проснулся не сам – меня усердно пинал в бок парнишка... как его зовут-то?.. Афонька вроде бы. Нет, он не пинал меня, он толкал. Я с трудом сел, и голова взорвалась болью, я сжал виски и услышал насмешливый голос Сидора:

– Что, Сергей, отвык от водочки-то? Афонька, сгоняй на кухню, принеси рассолу!

Я ощупал карманы и обнаружил, что оба пистолета на месте. От сердца немного отлегло. А где автомат?

– Не суетись, – сказал Сидор, – то, о чем ты подумал, уже спрятали. Эту вещь подолой не пронесешь, даже если приклад отпилить. Слушай, Сергей, ты не одолжишь мне один из... ну, ты понимаешь?

Я кивнул, огляделся по сторонам и обнаружил, что нахожусь на сеновале, а вокруг снуют крестьяне и купцы. Я сделал усилие над собой и встал на ноги. Пошатнулся, но устоял, хотя для этого пришлось облокотиться на Сидора. Пистолет системы Стечкина незаметно перекочевал из-под полы моей дубленки под полу дубленки Сидора. Он присвистнул:

– Ты точно ничего не перепутал? Ты дал мне тот, который больше.

– Не обольщайся, – улыбнулся я. – Он предназначен для опытных бойцов, а для нас с тобой это просто пугач. Когда будешь из него стрелять, будь готов к тому, что промажешь.

– Понятно, – ухмыльнулся Сидор. – А я уж подумал, что ты с похмелья добрый... Афонька! Ты где пропал?

Афонька притащил рассол, и мир стал заметно четче.

7

Первое препятствие ожидало нас у выхода с постоянного двора. Перед воротами выстроился десяток стрельцов в полном вооружении, сзади маячили черные рясы монахов. Путешественники толпились посреди двора, лошади ржали, люди нервничали.

– Запомни, – сказал Сидор, – ты идешь с нами от самого Харькова. Потребуют клятву, скажешь так: клянусь, что сопровождаю сей караван с начала похода. Понимаешь, – он хихикнул, – наш поход на самом деле только начинается.

– Что ты имеешь в виду? – не понял я.

– То, что мы везем из Харькова, гораздо менее ценно, чем ты и твои игрушки. Поэтому можно считать, что поход начался только что.

– Понятно. Монахи подумают, что я говорю одно, а на самом деле будет совсем другое. Здесь так часто делают?

– Постоянно. А ты что, раньше никогда не приносил обманные клятвы?

– Никогда. А это точно подействует?

– Подействует, не сомневайся.

Строй стрельцов покачнулся, вперед вышел монах в высоком клобуке и с большим золотым крестом на груди. Видать, не простой монах.

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа, – пророкотал он хорошо поставленным басом, прямо как генерал на параде. – Всем, владеющим словом, повелеваю выйти вперед.

Я обратился к кресту, и, к моему удивлению, он легко ответил. Я спросил, можно ли считать меня владеющим словом, – крест хихикнул и заявил, что это спорный вопрос. Я уточнил: могу ли я принести смертную клятву, что не владею словом? Крест на мгновение задумался, а потом сообщил – могу, надо только твердо решить для себя, что сам я словом не владею, а владеет им крест, и тогда можно смело приносить любую клятву.

Я не вышел вперед, и никто не вышел. Сидор толкнул меня в бок, но я посмотрел на него уверенно: знаю, что делаю, говорил мой взгляд. Сидор отвернулся.

– Всем, имеющим пищали и кулеврины, также повелеваю выйти, – продолжил монах.

Стрельцы дружно сделали шаг вперед, монах обернулся и досадливо произнес:

– К вам это не относится.

Стрельцы сделали шаг назад, пряча на лицах довольные улыбки. Наверное, в любом мире нет для солдата большей радости, чем точно исполнить дурацкий приказ командира – и чем глупее приказ и нелюбимее командир, тем больше радость.

Я наклонился к Сидору и прошептал ему на ухо:

– Эта штука правильно называется автомат. Если потребуют, можешь смело клясться.

– Потребуют, можешь не сомневаться, – кисло процедил Сидор.

Никто не вышел, и монах приказал принести клятвы. Процедура затянулась почти на час, по истечении которого наша странная компания покинула двор в полном составе. Никто не умер – ни среди нас, ни среди других посетителей.

8

Погода точно сошла с ума. Кажется, что с каждой минутой становится чуть-чуть холоднее. К полудню температура упала градусов до десяти ниже нуля, и мороз продолжает крепчать. Мои попутчики в один голос утверждают, что причиной этому колдовство, случившееся прошедшей ночью: дескать, после освобождения таких сил погода всегда чудит.

Стали известны кое-какие подробности происшествия в бляжьей слободе. Вчера вечером в самых зловонных трущобах засеки двоих чернокнижников. В самом деле, где же им еще прятаться, как не в зловонных трущобах? К счастью, в городе находилась полусотня монахов, остановившихся на ночлег. Поднятые по тревоге монахи выставили оцепление, но проклятые исчадия ада учуяли присутствие светлых сил и пошли на прорыв. Один чернокнижник погиб, второй сумел вырваться и сейчас наверняка бродит в лесу в обличье волка или медведя-шатуна. Кое-кто говорит, что это были не простые чернокнижники, а рыцари смерти, потому что многие видели, как над слободой разлетались ошметки ангела, которого эти твари убили. Но здравомыслящие люди не верят в такие глупости, потому что если два рыцаря смерти способны играючи расправиться с настоящим божьим ангелом, то тогда с ними вообще не сладит никто и никогда. Никаких рыцарей смерти не бывает – это такие же сказки, как теневые демоны, пылевые демоны, Кощей Бессмертный и святой мальчик Игорь, гончаров сын.

Как бы то ни было, в бляжьей слободе имела место истинно могучая волшебба, в результате которой там, по слухам, полегло все живое. И это хорошо, потому что ту слободу давно пора было сровнять с землей, ибо никакой пользы от ее обитательниц нет уже пятый год: пятый год эти бабы поголовно больны заморской напастью люэсом – с тех пор, как там пережидали метель немецкие купцы, которые, как говорят, вовсе и не купцы были, а лазутчики, что перед войной военные тайны выведывают да всякие подлости учиняют. В общем, как ни крути, все, что ни делается, делается к лучшему. А монахов ночью строилось вовсе не две сотни, как показалось Афоньке, а неполных четыре десятка.

Коротая время в пустых разговорах, мы неспешно двигались к Москве. Караван включал в себя всего две двуконные подводы, доверху заполненные мешками с сахаром. Мне показалось, что девять человек, включая меня, – слишком много для сопровождения такого груза, но мои новые товарищи дружно ухмылялись и с загадочными улыбками говорили: мол, сахар нынче в цене.

– Опиум, что ли, везете? – спросил я, не выдержав, и по вытянувшимся лицам понял, что попал точно в цель.

Сидор загадочно посмотрел на меня и поинтересовался, как я догадался, если не владею словом? А если владею словом, то как остался жив, произнося смертную клятву? Я ответил, что, сравнив ценность груза и количество сопровождающих, нетрудно сделать определенные выводы, и для этого не нужно владеть никаким словом. Сидор с подковыркой спросил: владею ли я все-таки словом или вчера наврал?

– Как посмотреть, – ответил я. – Вот если когда... ну, когда магию творишь, так сказать... так вот, если при этом ни одного слова не произносишь, можно ли считать, что ты словом воспользовался?

Сидор рассмеялся.

– Интересный подход, – сказал он. – А можно без молитвы твоей магией пользоваться?

– Почему бы и нет? Чем вообще молитва отличается от... ну, скажем, от хорошего стихотворения?

Никто не знал, что такое хорошее стихотворение, и я продекламировал «Спокойную ночь», «Белеет парус одинокий», «Красное на черном», а на десерт «Алюминиевые огурцы». Кажется, мой авторитет поднялся на недостижимую высоту.

9

Следующую ночь мы провели в Бутове. Это еще не Москва и даже не пригород – это заолустная деревенька в дне пути от столицы. Главной достопримечательностью деревни является огромный – в сравнении с остальными домами – постоянный двор с круглосуточным трактиром, борделем и бильярдной для благородных.

Вместе с нами коротали ночь человек пять монахов, но они заперлись в комнатах с девицами легкого поведения, в то время как мы ютились на холодном сеновале, прижавшись друг к другу, как щенки в конуре. Оказывается, местные монахи пользуются этих девиц на совершенно законном основании – ведь в Священном Писании сказано о безбрачии, но не о целомудрии, и не нужно путать два разных понятия.

В этом мире настоящий рай для монахов. Они бесплатно пользуются услугами гостиниц и ямов, в любом трактире их бесплатно кормят и поят – лишь самые дорогие яства составляют исключение. Монах имеет право потребовать любую женщину, и ни одна женщина не вправе отказать монаху. Я спросил, как насчет государыни императрицы. Мои товарищи задумались и через несколько минут оживленной дискуссии пришли к выводу, что государыня императрица все-таки является исключением. Также я узнал, что за хулу на императорский двор здесь рубят голову, а за хулу на Святую Церковь сжигают живьем на костре. Почему-то это меня не удивило.

Сидор где-то разжился табаком и пригласил меня покурить на крыльце. Когда мы вышли на улицу и отошли в сторону, он спросил:

– Откуда ты взялся, Сергей? Ты ничего не знаешь о мире, ты говоришь странными словами, у тебя невиданное оружие, и ты знаешь неслыханные молитвы.

– Это не молитвы, это стихи, – поправил я.

– Любой стих – молитва, – отрезал Сидор. – Откуда ты, Сергей? Где ты родился, как ты стал тем, чем стал, откуда у тебя такие пистолеты, в конце концов?

Я глубоко вздохнул и начал рассказывать. Я сообщил почти все – только не называл имен и умолчал о планах на будущее. Но Сидор и так понял.

– К митрополиту идешь сдаваться... – понимающе протянул он. – Может, ты и прав, когда на тебя такая облава идет... Постой, так ты что, и есть тот самый чернокнижник?

Я скромно потупился.

– Я не чернокнижник, за всю жизнь ни одной колдовской книги и в глаза не видел.

– Это не важно. Читать умеешь? Молитвы творить можешь? Духовное звание есть? Нет!
Значит, чернокнижник.

– Выходит, чернокнижник, – согласился я.

– Вот именно. А что там за белое сияние было?

– Черт его знает. Монахи какую-то тварь наколдовали – большую, белую и какую-то...
слепящую, что ли...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.